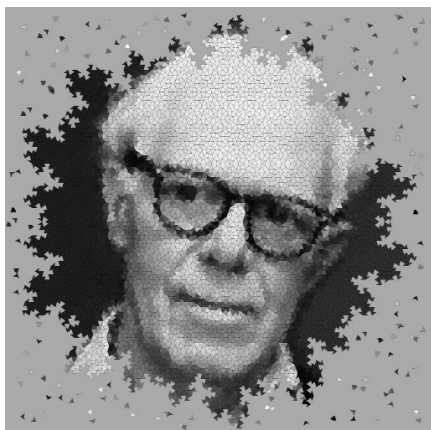

МАРТИН ГАРДНЕР

[198]

ИЛ 3/2018

Рассказы

Перевод с английского и вступительная статья МИХАИЛА МАТВЕЕВА

Начав писать о Гарднере, я вдруг остро и отчетливо осознал, что твой робкий и неокрепший голос тонет в восторженном хоре голосов его читателей, почитателей, ценителей, его друзей, коллег, тех, кто хорошо его знал, с кем он работал, кто был близко знаком с его творчеством, в хоре голосов, в котором, кстати сказать, нет ни одной неверной ноты.

“...человек Ренессанса в мире слов и чисел” (Майкл Дирда¹).

“...самый влиятельный автор XX века” (Дэвид Ауэрбах²).

“...фамилия Gardner близка к английскому слову “gardener” — садовник. В мировом содружестве математиков Мартин Гарднер действительно играет роль садовника, который бережно выращивает в своем саду удивительные цветы” (Дэвид А. Кларнер)³.

“...работы Мартина Гарднера отличаются гораздо большей самобытностью, чем те, за которые присуждены Нобелевские премии” (Дуглас Хофштадтер⁴).

© MARTIN GARDNER 1987, 2010

© МИХАИЛ МАТВЕЕВ. Перевод, вступительная статья, 2018

1. Майкл Дирда (р. 1948) — литературный критик, книжный обозреватель газеты “Вашингтон Пост”.

2. Дэвид Ауэрбах — американский ученый, инженер, обозреватель.

3. Из предисловия к сборнику “The Mathematical Gardner”. Ю. А. Данилова, в русском переводе — “Математический цветник”. — М.: Мир, 1983.

4. Дуглас Хофштадтер (р. 1945) — американский физик и информатик, автор книги “Гедель, Эшер, Бах”, получившей Пулитцеровскую премию в категории “Нехудожественная литература”, и, кстати, перевода на английский язык “Евгения Онегина”.

К столетнему юбилею Гарднера хор становится многотысячным. Ни одно солидное издание (в числе которых и “Нью-Йорк таймс”, и “Гардиан”, и “Нью-Йоркер”) не сочло для себя возможным пройти мимо такого события.

Между тем, разделяя все восторги, понимаешь, что то теплое чувство благодарности, которые ты испытываешь к этому человеку, — очень камерное, личное, чувство к человеку близкому, которое можно выразить только вне хора.

Мартин Гарднер! Кто он?

Математик? Философ? Мыслитель? Популяризатор науки? Писатель? Филолог? Лингвист? Публицист? Критик?

Как это ни парадоксально, любое слово подойдет и... не подойдет одновременно. Мартин Гарднер — все и сразу.

Гарднер — Человек пишущий, Homo scribens, и главное свойство Гарднера — его невероятная интеллектуальная щедрость. На протяжении всей своей долгой — очень долгой! — писательской жизни он делится с нами своими идеями, знаниями, той величайшей радостью открытия и понимания, которую несут ясность мысли и широта взгляда. Гарднер учит нас “тому, чему, казалось бы, невозможно учить: высокому искусству нешаблонного, или, как предпочитает говорить сам Гарднер, нелинейного мышления”¹.

Гарднер родился 21 октября 1914 года в городе Талса, штат Оклахома. В 1936 году получил степень бакалавра философии в Чикагском университете. Закончив обучение, работал помощником редактора газеты “Талса трибьюн” в родном городе, но затем вернулся в Чикаго, где поступил на службу сотрудником пресс-бюро Чикагского университета.

С 1941 года до конца войны он служит на Военно-морском флоте США на эскортном эсминце “Поуп”. На судне он занимался делопроизводством — начальство, видимо, учло опыт его работы в пресс-бюро, а в свободное от исполнения основных обязанностей время высматривал вражеские субмарины. После окончания службы Гарднер возвращается на прежнее место работы и пробует себя в качестве свободного журналиста. “Я не хотел преподавать, я хотел писать”, — скажет он впоследствии об этом периоде своей жизни.

В 1946 году, воспользовавшись привилегиями, которые давала служба на флоте, Гарднер посещает семинар в Чикагском университете под руководством Карнапа, известного австрийского философа, представителя школы логического позитивизма, который оказал огромное влияние на мировоззрение Гарднера. В своем интервью журналу “Записки Американского математического общества” он называет Карнапа одним из своих кумиров. Несколькими годами позже, когда Карнап читал курс философии в Калифорнии, Гарднер убедил его позволить миссис Карнап записать курс на магнитофонную ленту. Гарднер расшифровал ее, отредактировал текст и издал под названием “Философские основы физики”, позже изменив его

1. Цит по: Ю. Данилов. Предисловие к книге Гарднера “Есть идея!”.

на “Введение в философию науки”. Позднее Гарднер скажет об этой книге: “В ней все идеи Карнапа, но все слова — мои”.

В 1947 году Гарднер перебирается в Нью-Йорк, где находит работу в детском журнале “Шалтай-Болтай” (“Humpty-Dumpty Magazine”), в котором проработает более восьми лет. В течение нескольких лет Гарднер пишет в этом журнале истории о приключениях Шалтая-Болтая-младшего, сочиняет назидательные стихи от имени Шалтая-Болтая сыну. Не без гордости и не без юмора Гарднер вспоминает об этом времени в одном из комментариев к кэрролловской Алисе: “В последние годы мистер Шалтай издает детский журнал. Я имел честь работать под его руководством в качестве летописца приключений, выпавших на долю его сына, Шалтая-Болтая-младшего”¹.

А с 1957 года начинается долгое и плодотворное сотрудничество Гарднера с “Сайентифик америкен”, которое принесло ему мировую славу. Первая статья, которую он написал для журнала, была посвящена истории механических устройств, позволяющих решать логические задачи. Вторая — о гексафлексагонах² — появилась в декабрьском выпуске журнала за 1956 год. После выхода статьи в свет, вспоминал позднее Гарднер, “почти весь Манхэттен складывал флексагоны”.

Издатель Джерри Пил, видимо, не мог пройти мимо этого обстоятельства и пригласил Гарднера в редакцию, неожиданно предложив: “А не пора ли от отдельных статей перейти к постоянной рубрике?”. Гарднер ответил согласием, и следующий январский номер оказался первым, в котором он получил собственную колонку. Колонка Гарднера стала называться “Математические игры” (“Mathematical Games”) и просуществовала до 1982 года, когда Гарднера сменил Дуглас Хофштадтер, а рубрика сменила свое название на “Metamagical Themas” (“Метамагические темы”), которое представляет собой анаграмму “Mathematical Games”.

Остается добавить, что свой интерес к фокусам, играм, головоломкам и их математическим основам Гарднер вынес из того давнего времени, когда отец обучал его первым фокусам, и памятной ему со студенческих лет работы в супермаркете, где он демонстрировал фокусы в канун рождественских праздников.

По материалам рубрики “Математические игры” Гарднер издал полтора десятка книг, названных Дональдом Кнудом³ “гарднеровским каноном”. И хотя в математическом мире не останется, как пишет И. М. Яглом, редак-

1. Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в Стране Чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье / Перевод и подготовка издания Н. М. Демуровой, 2-е стереотипное издание. — М.: Наука, 1991.

2. “Флексагоны — это многоугольники, сложенные из полосок бумаги прямоугольной или более сложной, изогнутой формы, которые обладают удивительным свойством: при перегибании флексагонов их наружные поверхности прячутся внутрь, а ранее скрытые поверхности неожиданно выходят наружу”. Так начинается эта статья, открывающая сборник Мартина Гарднера “Математические головоломки и развлечения” (М.: Мир, 1971).

3. Дональд Кнут (р. 1938) — американский ученый, профессор Стэнфордского университета, автор классического труда “Искусство программирования”.

тор перевода “Математического цветника”, ни одной “теоремы Гарднера”, зато останется “многообразие Гарднера” — многообразие тех, кто вырос на его книгах, кто сформировал свои математические интересы под влиянием его статей, тех, кого Гарднер сумел увлечь “математическими головоломками и развлечениями” в часы “математических досугов”.

Не имея глубокого математического образования и, по существу, оставаясь “любителем”, Гарднер сумел достичь в своей деятельности поразительных результатов, привлекая к решению весьма нетривиальных задач миллионы любителей и профессионалов по всему миру, ведя с ними обширную переписку, объединяя их общей целью. Джон Конвей, известный математик и изобретатель игры “Жизнь”, о которой неоднократно писал Гарднер, сказал, что Гарднеру удалось приобщить к математике на много миллионов людей больше, чем кому бы то ни было. Миллионов! И в этом нет никакого преувеличения. Как бы ни хотел Гарднер “не преподавать”, его удивительный талант “учить, развлекая” возобладали. Перси Дьяконис на суперобложке гарднеровской “Грандиозной книги о математике” попытался облечь свое восхищение *математическими* способностями Гарднера в ироническую форму, он предупреждает читателя: “Осторожно: Мартин Гарднер превратил десятки неискушенных детей в профессоров математики и тысячи профессоров математики — в неискушенных детей”. Сам же Гарднер в интервью “Запискам Американского математического общества” заметил: “Если вы популярно пишете о математике, я думаю, это даже хорошо, что вы не знаете о ней слишком много”.

Оставив работу в “Сайентифик америкен”, Гарднер начинает сотрудничество с журналом “Вопросы скептика”, где ведет колонку “Заметки стороннего наблюдателя”, целиком посвящая себя разоблачению псевдо- и лженаучных доктрин и теорий, полемизируя с представителями псевдонаучных сект, рядящихся в тогу научного знания. Гарднер в свойственной ему парадоксальной манере так объясняет свой скептицизм: “Мой знак Зодиака — Весы, а астрологией совершенно достоверно доказано, что Весы не верят в астрологию”.

Отвечая на “Вопросы скептика”, Гарднер так охарактеризовал род своей деятельности: “Я думаю, что я журналист”. В этом же интервью Гарднер назвал две свои самые значительные на его взгляд книги. Первая — “Почему философствующего журналиста”, на которую, демонстрируя в очередной раз свою склонность к розыгрышам, сам же написал рецензию под именем Джорджа Грота. Рецензия получилась настолько резкой и убедительной, что приятель Гарднера, даже не дочитав ее до конца, где Гарднер раскрывал свой псевдоним, решил ни в коем случае не покупать книгу. Вторая — полуавтобиографический роман “Бегство Питера Фромма”, восхитивший Джона Апдайка. Апдаик даже написал Гарднеру письмо, выдержка из которого появилась на суперобложке следующего издания книги: “Это замечательная книга... она понравилась мне не только богатой событийностью, но и удивительными и убедительными сюрреалистическими штрихами”. Роман, описывающий развитие мировоззрения Питера Фромма от протестантского фундаментализма к философскому теизму, не мог не оказаться близок Ап-

дайку, не чуждому протестантской рефлексии, а “сюрреалистические штрихи”, вроде внезапных погружений Питера в глоссолалию, Апдайк, не лишенный юмора и склонный к стилистическим изыскам, не мог не оценить.

Еще один почитатель Гарднера — Владимир Набоков. Между ними на страницах их собственных книг состоялся такой примечательный обмен “любезностями”.

Во втором издании своей книги “Этот правый левый мир” Гарднер объясняет процитированное им для иллюстрации субъективизма пространственно-временного восприятия набоковское двустишие следующим образом:

“Эти две строчки взяты из второй песни ‘Бледного огня’, замечательной поэмы Владимира Набокова, которая лежит в основе его причудливого романа с тем же названием. Поэма якобы написана вымышленным Набоковым поэтом Джоном Френсисом Шейдом. В качестве шутки в первом издании моей книги я приписал эти две строки исключительно поэту Шейду и только его включил в список упомянутых в книге имен. Набоков вернул мне шутку в романе ‘Ада’: ‘Пространство — толчея в глазах, / а Время — гудение в ушах’, — говорит Джон Шейд, современный поэт, цитируемый вымышленным философом (Марином Гардинье) в ‘Двуликой вселенной’¹.”

В своей автобиографии Гарднер скажет, что не знает, было ли искажение его имени ошибкой или частью шутки. В этой же книге Гарднер не без гордости признается: ему нравится думать, что Набоков написал роман “Смотри на арлекинов!” под влиянием книги “Этот правый левый мир”, так как вопросы симметрии пространства и времени очень важны для сюжета набоковского романа.

Впрочем, переходя (уже перейдя) к вкладу Гарднера в большую литературу, мы тоже можем позволить себе некий скепсис в отношении ответов Гарднера на “Вопросы скептика”, предположив все же, что самым значительным творением Гарднера является изобретение метода — метода, так скажем, “правильного, глубокого чтения”.

“Когда в далеком 1960 году впервые вышла гарднеровская “Аннотированная Алиса”, — вспоминает писатель и эссеист Адам Гопник, — такой подход поразил своей новизной: ‘ученая’ книга — для всех, с обширными комментариями, расположенными в непосредственной близости от текста, создающими если не контекст, то некий контрапункт текста и комментатора”.

“Аннотированная Алиса” оказалась не единственной аннотированной книгой Гарднера. За ней последовали “Аннотированный Снарк”, “Аннотированное ‘Неведение отца Брауна’”, “Аннотированный ‘Человек, который был Четвергом’” Честертона и “Аннотированный ‘Старый мореход’” Кольриджа. Само слово “аннотация”, благодаря Гарднеру, приобрело в русском языке совершенно новое значение. Традиционно аннотация — краткое критиче-

1. Владимир Набоков. Ада, или Радости страсти. Семейная хроника. Часть четвертая / Перевод С. Ильина. — СПб.: Симпозиум, 2006. “Двуликая вселенная” — это и есть “Этот правый левый мир”, книга посвященная вопросам симметрии.

ское изложение содержания книги. У Гарднера несколько иначе — развернутый, бесстрастный комментарий по поводу какой-либо строчки, слова, мысли, содержащихся в тексте. На первый взгляд можно было бы предположить, что Гарднер, комментируя тексты, следует правилам давней и древней традиции толкования текстов, эдакой экзегезы или герменевтики. Но, углубляясь в чтение, можно счесть Гарднера чуть ли не провозвестником постмодернизма, когда текст комментария приобретает самостоятельное и даже самодовлеющее значение. То, что аннотированные издания Гарднера представляют собой образцы гипертекста, несомненно. Но их гипертекстуальность — вовсе не постмодернистская, а игровая практика. Это способ отвлечься от чтения и уйти в сторону или вглубь и посмотреть, кем и как был прочитан этот текст ранее. Читатель может следовать за Гарднером по проложенным им тропкам, а может прокладывать свои, не боясь заблудиться. А в конечном счете — стремясь заблудиться! Такие блуждания сродни путешествию Алисы с неожиданно встречающимися по пути ярлычками “Прочти меня!” и бесконечными поисками Снарка.

Гарднер проявляет неизменный интерес к словесной игре, демонстрируя в этой области незаурядную эрудицию и с радостью отмечая, что “серьезные литературные замыслы вполне успешно могут сочетаться с блистательной и дерзкой игрой слов”. “Несерьезные литературные замыслы”: палиндромы, анаграммы, лимерики — постоянно используются Гарднером либо в качестве предмета предпринимаемого им исследования, либо в качестве иллюстраций, эпиграфов, источников математических задач и лингвистических головоломок. Эпиграфы Гарднера могут послужить предметом рассмотрения отдельной большой статьи, “Семь загадочных стихотворений”¹, среди которых и “Переполненный автобус” Апдайка², превращаются у Гарднера в задачи-головоломки, Гарднер любит вспоминать о квазилимериках, отступающих от канона, а палиндромам и акростихам отводит не одну главу в “своем каноне”.

Целых две главы в книге “От мозаик Пенроуза к надежным шифрам” (из “гарднеровского канона”!) посвящены деятельности “причудливой, быть может, даже слегка “сумасшедшей” французской группы, которая называет себя “Улипо”³

Группа “Улипо” (OuLiPo, Ouvroir de littérature potentielle), или “Мастерская потенциальной литературы”, основанная французами: математиком Франсуа Ле Лионне и писателем Раймоном Кено — ставила своей целью теоретическое осмысление возможностей языка, привлекая для ее достижения математические, алгоритмические методы, введение разного рода формализаций и языковых ограничений, как, например, отсутствие в тексте какой-либо буквы. Все ее участники — либо математики, либо писатели.

1. Таково название раздела в книге гарднеровских эссе.

2. См. “ИЛ”, 2015, № 6.

3. Цит. по М. Гарднер “От мозаик Пенроуза к надежным шифрам”. — М., 1993.

Гарри Мэтьюз, единственный американский участник группы, весьма изобретательно выразил Гарднеру признательность от лица всех ее участников, посвятив ему стихотворение в форме так называемой “снежной пирамиды”¹:

[204]

ил 3/2018

a Martin Gardner	<i>Мартину Гарднеру</i>
O	O,
to	на
see	эту
man's	лишь
stern	мысль
poetic	редкую
thought	строгую
publicly	открытую
espousing	поэтичную
recklessly	посмотрите,
imaginative	на блестящую
mathematical	плодотворную
inventiveness,	выразительную
openmindedness	математическую
unconditionally	столь уникальную
superfecundating	столь незаурядную,
nonantagonistical	на эту увлеченность
hypersophisticated	и беспристрастность.
interdenominational	Гарри Бёрчелл Мэтьюз
interpenetrabilities.	Поль Люсьен Фурнель
Harry Burchell Mathews	Альберт Мари Шмидт
Jacques Denis Rouhaud	Франсуа Ле Лионне
Albert Marie Schmidt	Марсель М. Бенабу
Paul Lucien Fournel	Итало Кальвино
Jacques Duchateau	Жак Денис Рубо
Luc Etienne Perin	Мишель Мэтай
Marcel M Benabou	Раймон Кено
Michele Metail	Нозль Арно
Italo Calvino	Клод Берж
Jean Lescure	Ж. Кеваль
Noel Arnaud	Дюшато
P. Braffort	Перек
A. Blavier	Бенс
J. Queval	ЛЭП
C. Berge	ЖЛ ²
Perec	
Bens	
FLL	
RQ	

1. Цит. по QuLiPo. Atlas de littérature potentielle. — Gallimard, 1981.

2. ЛЭП и ЖЛ — инициалы улипистов Люка Этьенна Перена и Жана Лескюра.

Чтобы завершить краткий очерк жизни и трудов Гарднера, стоит добавить, что по его инициативе Гарольд Шварц начал деятельность основанного им издательства “Гринвуд-Пресс” с двух ежеквартальных изданий: “Журнала занимательной математики” и журнала “Путь слов” (“Word Ways”), посвященного развлекательной лингвистике. Гарднер издал несколько сборников своих эссе и книжных рецензий и составил также две антологии: “Знаменитые стихи минувших дней” и “Любимые поэтические пародии Гарднера”, куда вошли и пародии, написанные им самим под псевдонимом Арманд Т. Рингер (анаграмма его имени).

Арманд Т. Рингер в нашей стране почти неизвестен, в отличие от своего alter ego — Мартина Гарднера. У Гарднера в России сложилась счастливая издательская судьба. Первые переводы его книг “Этот правый левый мир” и “Теория относительности для миллионов” появились в 60-е годы, в то благодатное время, когда физики были в почете. А в 1971 году издательство “Мир” начинает серию книг, посвященных занимательной математике, и открывает эту серию книга Гарднера “Математические головоломки и развлечения”. Она стала первой, переведенной Юлием Александровичем Даниловым, из будущего “гарднеровского канона”. За ней последовали “Математические досуги” и “Математические новеллы”. Именно под влиянием этих трех книг у автора этих строк интерес к математике если не сформировался, то совершенно точно укрепился. Ю. Данилов перевел еще несколько книг Гарднера, последняя из которых появилась в 1993 году. Книжная полка с полным “мировским” собранием Гарднера с фирменным оформлением корешка: круг, квадрат, треугольник — подлинное украшение домашней библиотеки.

В эти же годы статьи Мартина Гарднера появляются в журналах “Наука и жизнь”, “Знание-сила”, “Квант”, “Математика в школе”.

Интерес к изданию книг Гарднера вспыхнул у нас в середине 2000-х, когда вышли еще пять его книжек, посвященных занимательной математике, но значительно меньшими тиражами.

Отрадно, что совсем недавно — в 2015 году — появилась не переведенная ранее книга Гарднера “Загадки Сфинкса и другие математические головоломки”.

Вышедшая в 1978 году в серии “Литературные памятники” издательства “Наука” книга Кэрролла “Приключения Алисы” с примечаниями Гарднера (та самая “Аннотированная Алиса”), переведенная Ниной Михайловной Демуровой, подарила нашим читателям новую и неожиданную встречу с Мартином Гарднером. Именно “Аннотированная Алиса” побудила когда-то меня задаться детским вопросом “А как это устроено?” и последовать — “frabiously galumphing” — за Гарднером в глубины кэрролловских текстов, а затем и обратиться к переводу стихов Кэрролла, и отважиться в конечном счете на самостоятельные поиски Снарка.

Математико-фантастические рассказы Гарднера о профессоре Сляпенарском “Нульсторонний профессор” и “Остров пяти красок” были переведены на русский язык Ю. Даниловым и вошли в три антоло-

гии¹, изданные в 80-е годы. Но эти два рассказа все же не могли еще предположить в Гарднере незаурядного беллетриста.

Этот пробел нам и предстоит восполнить. Вернемся в далекий 1946 год и лучше всего об этом времени расскажет сам Гарднер: “После войны и краткого пребывания в Талсе я возвратился в Чикагский университет в унылую однокомнатную квартиру на Пятьдесят пятой улице. Мое окно выходило на вентиляционную шахту. <...> Моим единственным имуществом был будильник и несколько книг, и никакого радио. Свои заметки о прочитанном, записанные на каталожных карточках три на пять, я держал в женских обувных коробках, которые получал бесплатно в обувных магазинах. А вырезки из книг на карточках четыре на шесть я вставлял в мужские обувные коробки. Коробки хранились в стенном шкафу². <...> Я мог бы возвратиться к моей старой работе по связям с прессой, если бы не событие, которое стало поворотным моментом в моей жизни. Я продал свой рассказ ‘Эсквайру’. Рассказ назывался ‘Лошадь на эскалаторе’. <...> ‘Эсквайр’ получил много лестных откликов на мой рассказ. <...> Следствием такой читательской реакции явилось приглашение на обед, полученное мной от редактора ‘Эсквайра’ Фреда Бирмингема. Обед состоялся в модном Чикагском ресторане. Я помню, как гардеробщица поморщилась и даже зажала нос, когда брала мою старую морскую тужурку. Тужурка сильно пахла еще с того времени, когда масло вытекло из бака нашего миноносца и затопило шкафчики с формой.

Фред попросил меня написать еще один рассказ. Я предложил свой самый известный [теперь] научно-фантастический рассказ ‘Нульсторонний профессор’. Я был очарован топологией, отраслью математики, которая изучает свойства объектов, остающиеся неизменными при их искривлении или растяжении. <...> Фред попросил написать еще, и в течение года или двух я жил на доходы от ‘Эсквайра’. За редким исключением все мои рассказы, написанные для ‘Эсквайра’, входят в сборник ‘Нульсторонний профессор и другие фантастические, юмористические, детективные и философские истории’”.

Рассказ, давший название сборнику, перевел французский журнал, и так он попал во многие научно-фантастические антологии, став самым популярным рассказом Гарднера. Но Гарднер пишет рассказы самых разных жанров, которые скрупулезно перечислены им в подзаголовке сборника. Место и время действия почти всех рассказов — Чикаго конца сороковых. За исключением, разумеется, “Тханга”. Чикагский университет, где он учился, Чикаго-Луп, где в ресторанчике он встречался с друзьями-фокус-

1. Названия антологий таковы: “Трудная задача”, “Стрела времени” и “Неувязка со временем”. А впервые на русском языке рассказ появился в журнале “Наука и жизнь”, № 5 за 1977 г. под названием “Профессор, у которого не было ни одной стороны”.

2. К концу жизни карточки занимали уже более 20 шкафов.

никами, “Маршал-Филдс”¹, где подрабатывал, показывая фокусы, Мидуэй², где как-то беседовал о том о сем с Торнтоном Уайлдером, и Пятидесятые улицы, по которым бродил и где зарождались его истории...

“Родимое пятно” и “Еще один мартини” — истории трогательные, почти сентиментальные, и, если бы не сдержанная манера изложения и обаятельный стиль Гарднера, из них вряд ли что-либо вышло.

Рассказы Гарднера — “для всех”! Как и все то, что он делал и писал на протяжении своей восьмидесятилетней писательской жизни. Гарднер интересовался Джойсом и Улипо, но вдохновляли его лорд Дансени и Честертон, в чем Гарднер охотно признается в кратких предисловиях к рассказам. В его рассказах довольно остроумные детективные сюжеты уживаются с ненавязчивыми литературными и философскими реминисценциями. Неслучайно тот же Адам Гопник назвал Гарднера “критически настроенным рационалистом, влюбленным в сдержанное английское воображение”, — черта, проявившаяся уже в ранних его рассказах. При этом всю свою жизнь стремясь сделать сложное — простым, необъяснимое — ясным, стремясь приоткрыть завесу магии и волшебства, Гарднер рассказывает свои истории легко и свободно.

Читателям гарднеровских рассказов можно не волноваться: они не превратят вас в седовласых профессоров математики. Если, конечно, вы сами того не захотите.

Самые поздние рассказы сборника датируются пятидесятью годами прошлого века. Больше рассказов Мартин Гарднер не писал. Но...

Сентябрьский номер “Математических горизонтов” за 2010 год открывается таким обращением соредкторов журнала к читателям: “Хотя ‘Математические горизонты’ получают почти все материалы в электронном виде, этой весной рассказ ‘Суперструны и Тельма’ с приложенной к нему запиской оказался в нашем старомодном почтовом ящике: *Возможно, этот рассказ подойдет вам? Я вел математическую колонку в ‘Сайентифик америкен’ в течение 25 лет. Если для ‘Математических горизонтов’ рассказ не подходит, нет нужды возвращать его обратно. Всего наилучшего, Мартин.* Один только вид имени на странице вызвал ошутимый переполох. Мартину Гарднеру было за девяносто, и мы оказались обладателями очаровательного образца подлинной литературы, полученного прямо из пишущей машинки самого знаменитого голоса в занимательной математике. Каков должен быть редакционный ответ тому, чьи труды сделали само существование такого журнала как ‘Математические горизонты’ возможным? К сожалению, мы не получили шанса подготовить ответ... 22 мая Мартин Гарднер покинул этот мир...”

Это был последний рассказ Гарднера.

1. Супермаркет в Чикаго.

2. Мидуэй, или Мидуэй-Плейсанс — парк в Чикаго вблизи университета между 59 и 60-й улицами.

Витраж собора многоцветный

[208]
ил 3/2018

Рассказ “Витраж собора многоцветный” был моей первой попыткой написать философский детектив в духе Г. К. Честертона. Я уже год работал над дипломной работой по философии в Чикагском университете, где я получал стипендию, когда вдруг понял, что у меня нет интереса к получению более высокой степени. Рассказ отражает в какой-то мере мое тогдашнее настроение.

Но чем больше овладевало мною это сладострастие, тем меньше я был в состоянии заниматься философией и уделять внимание школе¹.

ПЬЕР АБЕЛЯР *История моих бедствий*

Я в полудреме развалился на диване в собственной квартирке на Пятьдесят седьмой улице недалеко от Чикагского университета и слушал “Блюз для кларнета”, который купил утром. Джемс Стейси только что закончил свою партию на фортепиано, оркестр приступил к импровизации, а Ирвинг Фазола с высокой ноты начал как раз свою тему на кларнете, когда мой телефон зазвонил.

Я позволил ему дребезжать какое-то время в надежде, что он перестанет, но этого не случилось, так что мне не оставалось ничего другого, как снять трубку. Звонил профессор Бертран Пепперилл Райнкопф².

Райнкопф был самым выдающимся философом нашего университета. Я знал почти так же мало о предмете его научных интересов: логике и методологии познания, как и он — о моем: английской литературе. Но мы часто играли в бильярд в Квадрангл-клубе, где границы между профессурой и студентами стирались, кроме того мы с профессором разделяли увлечение Шерлоком Холмсом и отцом Брауном. Как и у отца Брауна, у меня, кажется, неплохо развита интуиция в том, что касается эксцентричного поведения людей, и я произвел однажды на

1. Перевод В. А. Соколова. (Здесь и далее, кроме оговоренного случая, — прим. перев.)

2. Райнкопф более всего известен как автор двух знаменитых книг: “Значимость значимости значимого” и “История И и ИЛИ в Средние века”. Он был основателем и многолетним редактором “Международного объединенного журнала социального познания”. Он также написал небольшую книгу для детей под названием “Приключения Алисы в Стране модальной логики”. (Прим. Гарднера.)

Райнкопфа впечатление тем, как быстро мне удалось разоблачить человека, который крал серебро из столовой клуба. (Вором оказался австрийский экономист либертарианских взглядов самого крайнего толка.)

Сейчас Райнкопф был взволнован и озадачен. Один из его аспирантов, Гарольд Хиггенботэм, внезапно исчез при загадочных обстоятельствах. Они были слишком сложными, чтобы объяснить по телефону. Могу ли я приехать к нему немедленно? Он сказал, что знает о моем пристрастии к таким вещам, и хотел поговорить со мной, прежде чем обсудит ситуацию с кем-либо еще.

— Тогда смотри, смотри в окно, — сказал я. — Я скоро буду¹.

— Что вы говорите?

— Я приду немедленно.

Грамофон начал проигрывать “Блюз для кларнета” во второй раз. Я слушал его, пока снимал халат и шлепанцы и надевал ботинки и пиджак. Для галстука было слишком тепло.

Я отправился на запад по Пятьдесят седьмой улице, а затем срезал путь через кампус к библиотеке Харпера, где у Райнкопфа был собственный кабинет на третьем этаже. Солнце почти село, и готические башни и зубчатые стены университета бросали на траву длинные тени.

Райнкопф сидел за столом, и его седые волосы были окутаны табачным дымом.

— Привет, Б. П., — сказал я. — И где же место преступления?

Он вынул изо рта трубку и пальцем стряхнул влагу из уголка своего бледно-голубого глаза.

— Спасибо, Физерстоун, что пришли. Но я не уверен, что произошло преступление.

Я собирался что-то ответить, но обратил внимание на одно из окон, выходящее на Мидуэй. Его нижнее стекло было разбито. Большое зубчатое отверстие зияло в центре. Куски стекла валялись на полу.

— Что-то, похоже, влетело в комнату снаружи, — сказал Райнкопф. — Иначе здесь не было бы стекла.

Я кивнул:

— Прекрасный образец дедукции, Б. П. Кто-то бросил в окно кирпич?

— Возможно, — сказал он. — Но если так, Гарольд, должно быть, унес кирпич с собой.

— Ах, да, — сказал я. — Гарольд. И когда же Гарольд пришел сюда?

1. Вероятно, искаженная цитата из романа Реймонда Чандлера “Вечный сон”.

– Вопрос в другом, – сказал Райнкопф, – как и когда Гарольд отсюда ушел? Взгляните-ка на это.

И он указал мундштуком своей трубки на стол в дальнем углу кабинета.

Я подошел к столу и увидел порядка пятидесяти маленьких, неправильной формы кусочков яркого разноцветного сукна на столешнице, они располагались большим полукругом. Куски были всевозможных цветов, но главным образом красные, зеленые, желтые и голубые. Чуть ниже полукруга к столу была приколата записка. Она была пришпилена большой черной ручкой. Перо вонзилось в дерево, подобно стреле, пущенной из лука. Я наклонился, чтобы прочесть записку.

Я жить ушел в сиянье витражей.

Напишу.

Гарольд.

Я несколько раз перечитал текст. Большого смысла в послании я не увидел, поэтому вернулся к столу профессора и уселся на стул, стоящий перед ним.

– Что вы еще можете рассказать мне?

Он пыхтел какое-то время своей трубкой, прежде чем ответил.

– Гарольд, получив стипендию, приехал сюда учиться три года назад. Он был очень молод и очень застенчив, но оказался блестящим студентом. Он сказал мне, что прочитал “Principia Mathematica”¹, когда еще учился в средней школе, и все понял.

– А что, это так трудно понять?

– Да. Но у Гарольда способность от природы усваивать законы символической логики. Я проникся к юноше симпатией и позволил ему работать по ночам над докторской диссертацией в моем кабинете вон за тем столом. В течение трех лет он трудился, не прерываясь даже на лето. В течение дня он должен был принимать участие в семинарских занятиях и проводил много времени в хранилищах философской библиотеки, но оставшуюся часть дня и добрую часть ночи он работал за тем столом. Сегодня семинаров у него не было. Когда я приехал сюда, чтобы повидаться с ним, я нашел комнату в том виде, в каком она сейчас. – Райнкопф махнул трубкой в сторону разбитого окна и цветных кусочков сукна. – Я даже представить не могу, что все это значит.

1. Фундаментальный труд по логике и философии математики Альфреда Норта Уайтхеда и Бертрана Рассела.

Я подошел к столу Гарольда, чтобы снова взглянуть на странную экспозицию. Очевидно, куски ткани были расположены в виде своего рода купола. Никаких других мыслей у меня не возникло.

— У Гарольда есть в Чикаго родственники или близкие друзья?

Райнкопф покачал головой.

— Насколько я знаю, нет. Его родители живут где-то в Бруклине, но он никогда не говорил о них. Он был тихим молодым человеком, интровертом, полностью поглощенным своими исследованиями. Он не проявлял никакого интереса к общению с другими студентами факультета или с кем бы то ни было еще.

— Я полагаю, он жил где-нибудь по соседству. Вы проверили его квартиру?

— Это не квартира — просто небольшая меблированная комната. Я звонил его хозяйке, и она сказала, что сегодня утром он упаковал свой чемодан и уехал, не сказав куда и зачем. У него было так мало вещей, что в его комнате ничего не осталось, кроме каких-то записей на стенах.

— По крайней мере, — сказал я, — мы знаем, что он куда-то ушел.

Доктор Райнкопф выбил пепел из своей трубки и снова набил ее из табакерки, стоящей на столе.

— Мое предположение таково. Кто-то привязал записку к камню и бросил его в окно. В записке было что-то такое, что побудило Гарольда уехать из Чикаго. Бог знает, по какой причине он устроил все это представление, а затем ушел, забрав с собой записку и камень.

— Может быть, камень в корзине для бумаг.

Я подошел к корзине и начал вытаскивать оттуда листы бумаги.

— Так... а это что такое? — сказал я, достав большой комок спутавшихся нитей.

Райнкопф вытащил себя из кресла и подошел.

— Странная штука, — сказал он.

Я вывалил содержимое корзины на пол, и первая вещь, которую мы заметили среди бумаг, чем-то напоминала оболочку софтбольного мяча¹. Я поднял ее. Это и в самом деле оказалась оболочка софтбольного мяча.

1. Софтбол — спортивная игра, разновидность бейсбола. Мяч для игры в софтбол крупнее бейсбольного, под его кожаной оболочкой находится каучуковый или пробковый сердечник, спрессованная ткань, обмотанные нитью или пряжей.

— У Гарольда не было привычки поупражняться с мячом, чтобы расслабиться?

— Вот уж не знаю, — сказал Б. П. Его густые седые брови взметнулись вверх, и я понял, что его озарила догадка.

— Возможно, именно этот мяч, — сказал он, ткнув в обложку мяча своей трубкой, — влетел в окно.

— Очень может быть, — сказал я, — и очень может быть, что эти нитки от мяча, а эти цветастые кусочки сукна — именно то, чем набивают мячи для софтбола.

Б. П. обрадовался. Он рассмеялся и потер руки.

— Превосходно, Шерлок, — сказал он, но затем сел и нахмурился. — Только зачем Гарольду потребовалось потрошить мяч?

Я подошел к окну и посмотрел на Пятьдесят девятую улицу и Мидуэй. Темнело, в обоих направлениях двигались длинные вереницы автомобилей. Две студентки в тоненьких свитерах и в цветных кожаных туфельках пересекали лужайку в парке Мидуэй. Теплый чикагский вечер так и манил отправиться на прогулку. Я подумал о Гарольде, скрючившемся на своем стуле, и неделя за неделей, месяц за месяцем тщательно записывающем результаты своих исследований на карточках 3 × 5 дюймов. А снаружи — эти яркие, свежие краски и свобода, и юные девушки в свитерах и в цветных туфлях.

Внезапно я вспомнил строки из “Адонаиса” Шелли, там что-то о жизни и о соборе многоцветном...

Я обернулся и пробежал глазами по корешкам книг, что стояли на полке около стола Гарольда. Большинство названий было на немецком или польском языках. Но я вытащил небольшой томик, который выглядел здесь столь же неуместным, как немецкий трактат по логике — на аптечной полке. Томик оказался антологией стихов из нескончаемой серии Унтермейера.

Я открыл книжку на форзаце, чтобы узнать, не принадлежала ли она Гарольду. “Гарольду от тети Сары” — гласила надпись. Я нашел стихотворение Шелли в указателе, а разыскать нужные строки оказалось совсем просто, так как они были подчеркнуты.

— Послушайте, — сказал я:

Жизнь, как витраж собора многоцветный,
Сиянье бледной Вечности пятнает...

Райнкопф размышлял все то время, пока зажигал спичку и раскуривал трубку.

— Я помню этот фрагмент. Шелли тогда находился под влиянием неоплатонизма. Заметьте, как он использует слово “пятнает”, имея в виду...

Он остановился и несколько раз моргнул. Он начинал понимать.

Я сел и зажег сигарету.

— Вы можете утверждать, что Гарольд был счастлив, работая здесь?

— Счастлив? — Профессор откинулся на спинку кресла. — Все зависит от того, как вы определяете счастье. Аристотель говорил...

— Вы читали автобиографию Шервуда Андерсона? — прервал я его.

Он покачал головой.

— Книгу эту великой не назовешь, — сказал я, — но это честная книга. Одна из историй, рассказанная Андерсоном, — о том, как он бросил фабрику по производству красок, которой управлял в Огайо.

Я видел, что Райнкопф заинтересовался, поскольку позволил своей трубке погаснуть и не приложил никаких усилий, чтобы разжечь ее вновь.

— В течение многих лет, — продолжал я, — Андерсон сидел за одним и тем же столом и писал одни и те же нагоняющие тоску деловые письма. И вот однажды, когда он диктовал очередное письмо, его внезапно охватила, будем говорить, тоска по шуму рыночных площадей. Так что он оборвал фразу на полуслове, рассмеялся, как безумный, в лицо своему секретарю, вышел из кабинета, спустился на железнодорожные пути и распрощался с этим этапом своей жизни.

— Существует миф, что Сантаяна¹ поступил точно так же, когда ушел из Гарварда, — сказал Райнкопф, — но я совершенно случайно узнал, что он покинул Гарвард, потому что унаследовал значительное состояние. Он сам рассказал мне об этом.

— Любопытно, — сказал я. — Теперь я могу предположить, что с Хиггенботэмом произошло то же самое, что случилось с Андерсоном. Я могу ошибаться, но три года — слишком долгое время, чтобы работать за одним и тем же столом. Между прочим, над чем он трудился?

— Влияние промышленной революции на развитие символической логики. Тему предложил ему я.

— Не сомневаюсь. Вот как я представляю себе всю сцену: Гарольд сидит здесь целый день, чувствует себя уставшим, скука охватывает его. Он работал над своим исследованием всю зиму. Наступила весна. Мальчишки играют в софтбол, и мяч разбивает окно подобно удару божественной молнии. Гарольд поднимает

1. Джордж Сантаяна (1863–1952) — американский философ.

ет его и идет к разбитому окну. Он видит, как убегают мальчишки. Затем он окидывает взглядом всю открывшуюся внизу картину. — Я почувствовал, что и меня самого переполняет поэтическое настроение. — Первый по-настоящему весенний день. Солнце светит. Птицы щебечут. Теплый бриз, четкие ясные цвета, прекрасные девушки, появляющиеся из ниоткуда...

Райнкопф моргнул слезящимися глазами и устремил их вдаль.

— Словно на зиму девушки впадают в спячку.

— Правдоподобная гипотеза, — сказал я, улыбнувшись. — И если Гарольд простоял у окна достаточно долго, он, конечно, увидел много замечательных представительниц этого вида. Я просто вижу, как он медленно возвращается к своему столу и — в изумлении — сжимает в руке мячик. Мяч кругл, как мир, но сер и бесцветен, как та одинокая жизнь, которую он ведет.

Профессор начал было говорить, но я остановил его, подняв руку.

— Скорее всего, — продолжал я, — шов на мяче слегка разошелся. Гарольд охвачен ребяческим порывом раздрать его оболочку, чтобы посмотреть, что там внутри. Вам доводилось когда-нибудь рвать мячики, Б. П.?

Он покачал головой.

— Вы должны это как-нибудь сделать. Внутренности мячей для гольфа представляют собой захватывающее зрелище. Во всяком случае, я думаю, что именно так поступил Гарольд. Возможно, это было неосознанное желание порвать в клочья академическую карьеру. И когда он добрался до кусочков сукна, я думаю, что яркие цвета, возможно, поразили его подобно апокалиптическому видению, подобно тайне, похороненной в сердце мира.

Я собрал бумаги с пола и запихнул их обратно в корзину.

— Гарольд вспомнил те строки Шелли, — продолжал я, — и был поражен контрастом между цветами собора и серыми башнями и мрачными коридорами университета, между многоцветным блеском жизни и бесцветным сиянием символической логики.

— Что ж, неплохая метафора, — сказал Райнкопф задумчиво. — Конструкции символической логики — это именно то, чем мы первым делом можем обесцветить наш взгляд на вещи.

Я не был уверен, что понял, что это значит, но фраза выглядела впечатляюще.

— Новый взгляд на вещи, новый образ жизни — вот что требовалось Гарольду. Мяч для софтбола как раз и сыграл роль, как сказали бы психиатры, спускового механизма. Он, должно быть, высвободил подавляемое Гарольдом чувство негодования и тос-

ки. Гарольд понял, что в его жизни наступил кризис, который сметет все его планы, точно так, как вдребезги было разбито это окно. Охваченный внезапным порывом, он схватил свою ручку и, подобно кинжалу, вонзил ее в уже готовую цветастую символическую композицию, чтобы никогда больше этот достойный инструмент не применялся для заполнения жалких заметок на бесцветных каталожных карточках.

Я сделал последнюю затяжку и попытался попасть окурком в отверстие в окне, но промахнулся. Я подошел, чтобы поднять его.

— Куда, вы думаете, он отправился? — спросил Райнкопф подавленным голосом.

Я выкинул окурочек в открытое окно и пожал плечами.

Несколько недель спустя, когда я уже заканчивал завтрак в Квадрангл-клубе, вошел Райнкопф. Ничего не говоря, он вручил мне письмо:

Уважаемый Б. П.!

Я приношу Вам свои извинения за мой внезапный отъезд и сумасбродное поведение. Разумеется, я не собираюсь возобновлять учебу.

Трудно все объяснить. Скажу лишь, что мальчишка угодил в окно софтбольным мячиком. Я разодрал оболочку мячика, обнаружил внутри немного цветного сукна и решил сесть на автобус в Новый Орлеан. Здесь у меня есть работа официанта во Французском квартале. И ничего менять я не намерен.

Полагаю, что Вы без труда найдете другого студента, который сможет закончить мою работу, и, надеюсь, что Вы не будете оскорблены, если я скажу, что по прошествии некоторого времени мое исследование вынудило меня прийти к заключению, что промышленная революция вообще никак не повлияла на развитие символической логики. Но по соображениям деликатности я не смог сказать Вам об этом.

С наилучшими пожеланиями, Гарольд.

P. S. Николь просто чудо.

Я возвратил письмо.

— Что за Николь, черт подери?

Райнкопф несколько раз моргнул.

— Был такой малоизвестный французский логик по имени Пьер Николь. В 1662 году он написал в соавторстве чрезвычайно авторитетное пособие под названием “Логика Пор-Рояля”.

Я подумал сначала, что Б. П. говорит всерьез. Но он внезапно улыбнулся и добавил:

— Но я что-то сильно сомневаюсь, что речь в постскриптуме идет именно о Пьере.

...В некоторых местах этой страны попадаются разноцветные блестящие камни, к которым еху питают настоящую страсть; и, если камни эти крепко сидят в земле, как это иногда случается, они роют когтями с утра до ночи, чтобы вырвать их, после чего уносят свою добычу и кучами зарывают ее у себя в логовищах; они действуют при этом с крайней осторожностью, беспрестанно оглядываясь по сторонам из боязни, как бы товарищи не открыли их сокровищ. Мой хозяин никак не мог понять причину столь неестественного влечения и узнать, для чего нужны еху эти камни...

ДЖОНАТАН СВИФТ *Путешествия Гулливера*¹

— **В**Ы видели последнюю фотографию Рубена? — спросил меня профессор Орландо Барнс и протянул мне номер “Лайфа”.

На обложке журнала красовался Рубен. Он стоял на камне с гордо поднятой головой, его морщинистый профиль четко вырисовывался на фоне облаков. Его эбеновые глаза сияли, и даже можно было вообразить смутное подобие улыбки. Рубины на его спине горели в ярком солнечном свете.

Рубен был иловой черепахой. Согласно “Лайфу”, он принадлежал виду *Kinostemon Subrubrum Subrubrum*². У представителей этого вида длина туловища около четырех дюймов, особи темно-коричневые с двумя рядами желтых пятен по обе стороны головы. Они едят рыбу, сырое мясо, земляных червей и улиток.

Я поднял взгляд на Барнса, чтобы обратиться к нему за разъяснениями, но оставил эту затею, увидев, что он поглощен статьей в каком-то экономическом журнале. Мы потягивали коктейли перед ужином в гостинной Квадрангл-клуба Чикагского университета. Несколько лет назад, в бытность мою студентом, я изучал экономику под руководством Барнса. Он недавно достиг пенсионного возраста и теперь оставался почетным профессором университета. Я преподавал английскую литературу и в свободное время пописывал детективы.

Чикагские газеты много писали о Рубене, но “Лайф” осветил эту историю подробнее остальных. Рубен принадлежал

1. Перевод с английского под редакцией А. А. Франковского.

2. Пенсильванская иловая черепаха.

миссис Корнелиус Гискин, молодой красавице-жене чикагского миллиардера, производителя прокладок. Журнал поместил провокационную фотографию миссис Гискин, наклонившейся, чтобы опустить Рубена в пруд в поместье Гискинов. Она выглядела так, как и должна выглядеть женщина, на которой женится человек с тысячей миллионов долларов.

“Лайф” несколько расплывчато писал, что представляют собой эти прокладки. Оказывается, это такие детали, которые вставляются внутрь труб или надеваются на них, чтобы защитить сочленения или сделать их водонепроницаемыми. “Компания прокладок Гискина”, основанная сорок лет назад, к сегодняшнему дню продавала около трех тысяч различных видов прокладок самых разных размеров и форм, сделанных из резины, стали, асбеста, бумаги, волокна, войлока, меди, кожи и пробки.

А разве панцирь черепахи не является своего рода наружной “прокладкой”, разработанной самой природой, чтобы защитить нежные сочленения рептилии? Эта мысль пришла в голову мистеру Гискину ровно сорок лет назад. Стилизованное изображение черепахи служило эмблемой его компании и украшало все ее фирменные бланки. Огромная бронзовая статуя черепахи стояла и перед фабрикой Гискина на западе Чикаго.

Предыдущая миссис Гискин получила развод и где-то безбедно жила на свои алименты. А в прошлом году мистер Гискин женился на одной из чикагских топ-моделей. Рубен был подарком на первую годовщину их свадьбы. На спине черепахи — или на панцире, как уточнял “Лайф”, — было установлено двенадцать безупречных двухкаратовых рубинов — по одному на каждый месяц нынешнего супружеского блаженства мистера Гискина.

Автор статьи в “Лайфе” вспоминал роман Гюисманса “Наоборот”, в котором главный герой книги выложил спину огромной черепахи декадентскими инкрустациями из драгоценных камней. Рубинов он не использовал, так как они напомнили ему красный цвет парижских автобусов, но у мистера Гискина не было предубеждения против красного цвета. Драгоценные камни Рубена, шестигранные призмы чистой воды, известны под названием “Голубиная кровь”. Такие рубины добываются главным образом в шахтах вблизи Мандалая, и в них нет ни единой прожилки молочного цвета, какие встречаются в камнях низшего сорта. Стоимость Рубена по оценке “Лайфа” приближалась к миллиону долларов.

Когда Барнс услышал, как я присвистнул, он опустил журнал и взглянул на меня поверх очков.

— Миллион зеленых! — воскликнул я. — В придачу к обыкновенной иловой черепахе!

Мы молча смотрели друг на друга в течение нескольких секунд. И затем одновременно выдохнули одно и то же слово: “Веб!”

[218]
ил 3/2018

Я должен сделать отступление, чтобы сказать пару слов о Вебе. На протяжении двух десятилетий Чикагская полиция пребывала в растерянности из-за целого ряда серьезных краж, совершенных кем-то, кто именовал себя В. Е. Б. В каждом деле фигурировал какой-нибудь странный объект огромной стоимости. Например, известное дело 1934 года, когда были похищены меха миссис Хепплуэйт. Гардероб из бесценного горноста и соболей был создан для ее чистокровной афганской гончей, победительницы многих соревнований, которой требовалась защита от зимних чикагских ветров. Миссис Хепплуэйт не было дома, когда новая служанка позволила некоей фирме приехать и забрать в чистку весь собачий гардероб. Это было последнее, что кто бы то ни было слышал об этой фирме или мехах. На квитанции, оставленной водителем грузовика, значились инициалы В. Е. Б.

Другая серьезная кража, случившаяся несколько лет спустя, касалась богатой вдовы из Уиннетки, которая владела крупнейшей в мире коллекцией старинных зубных щеток. Ее самый ценный экземпляр — украшенная сапфиром зубная щетка из Тибета — пропала. На ее месте, на полке запertoго шкафа-витрины, обнаружилась дешевая зубная щетка с буквами В. Е. Б., выгравированными на синей ручке.

В 1941 году пожилой человек по имени Виктор Енох Боскович был арестован за кражу инструментов на Чикагском литейном заводе, где он и работал. После месяца в тюрьме он признал, что он и есть Веб, но апелляционный суд постановил, что его инициалы являются простым совпадением, а признание было сделано под серьезным давлением.

Мы с профессором Барнсом частенько обсуждали деяния Веба. Когда-то мы всерьез раздумывали, не устроить ли ему ловушку. Мы решили обзавестись каким-нибудь чудным предметом, инкрустировать его фальшивыми драгоценностями, устроить вокруг него шумиху и затем спокойно дожидаться Веба, чтобы задержать его.

Но мы даже представить себе не могли лучшей приманки, чем Рубен.

— Послушайте, Монте, — сказал профессор, наклонившись ко мне всем своим невысоким, коренастым телом и похлопав меня по коленке, — в это воскресенье у Гискина большой прием. Рубен впервые будет демонстрироваться за пределами близкого круга друзей. Вероятно, будет много полиции, но все равно мне представляется, что это прекрасная возможность для Веба.

— Вы приглашены? — спросил я.

Он кивнул.

— На самом деле я знаю мистера Гискина довольно хорошо. Несколько лет назад он пригласил меня, чтобы провести исследование иностранных рынков для его продукции.

— Вы можете захватить меня с собой?

— Никаких проблем. Конечно, маловероятно, что что-либо произойдет, но у нас, по крайней мере, будет счастливая возможность увидеть Рубена.

— И миссис Гискин, — добавил я.

Мы встретились в Квадрангл-клубе в воскресенье днем и отправились по железной дороге в Чикаго-Луп, откуда взяли такси до поместья Гискина, расположенного в шикарном месте, известном как Золотой берег Чикаго. Стоял морозный мартовский день, в воздухе вился порошкообразный снег. В такси было так холодно, что, когда мы добрались до цели, мои ноги превратились в глыбу льда. Человек в тяжелом пальто, несомненно полицейский, придержал въездные ворота. Выглядел он озябшим и неприкаянным.

Мои ноги начали оттаивать лишь после того, как я выпил бокал мартини и познакомился с миссис Гискин. Она выглядела даже лучше, чем на фотографиях. Кремовое атласное платье, оставлявшее ее живот обнаженным, заставляло предположить, что она провела большую часть зимы во Флориде. Все видимые части ее тела равномерно отливали темной бронзой. Я невольно задался вопросом, какой узор составят белые участки ее тела.

— Ваши книги чудесны, мистер Фезерстоун, — сказала она. — Я просто влюблена в вашего детектива, Хилари Кинга. Кто-нибудь говорил вам, что вы на него похожи? Едва я увидела, как вы снимаете пальто, я сказала себе, это — Хилари Кинг!

Я улыбнулся и слегка поклонился:

— Разумеется, он всего лишь отражение человека, каким я хотел бы быть. Это все — Фрейд и Адлер.

Миссис Гискин всплеснула руками.

— О, вы читаете Фрейда? — Она придвинулась чуть ближе. — Хотела бы я как-нибудь поговорить с вами о Фрейде.

Волна тонких духов достигла моего носа. Я раздумывал, что сказать в ответ, когда подошел Барнс и схватил меня за локоть.

— Вы уже видели Рубена? О, извините, миссис Гискин, я не хотел вас прерывать.

— Все в порядке, Орlando. Вам следует поспешить взглянуть на Рубена. — Она ткнула меня в солнечное сплетение. — Я хочу поговорить с вами еще раз, прежде чем вы уйдете.

— Ну и чем она вас так поразила? — спросил Барнс, когда мы подходили к гостиной.

— Великолепный загар, — сказал я.

— О да. В викторианскую эпоху бледная кожа была признаком аристократизма и благосостояния. Загорали только крестьяне. В наш век гигантских метрополий беднота надежно укрыта крышами. И только у богатых есть время возлежать на пляжах.

Рубен жил в аквариуме над камином. Это был длинный узкий резервуар, открытый сверху и наполненный чистой водой, которая приобретала изумрудный оттенок зеленой плитки на задней его стенке. Несколько небольших островков серого камня выступали над поверхностью воды. Мы с любопытством наблюдали за Рубеном. Он неуклюже сполз вниз по камню, сначала окунул в воду нос и поплыл, беспорядочно шевеля конечностями. Рубины искрились в зеленой воде, переливаясь всеми оттенками красного под лучами света, льющегося на аквариум под различными углами.

Крупный человек с квадратной челюстью стоял около камина, пережевывая сигару, и изо всех сил старался не походить на полицейского. Я заметил выпуклость под его курткой в том месте, где у него, вероятно, было оружие.

Мистер Гискин подошел, чтобы лично продемонстрировать Рубена гостям. Гискин был из тех, кого Диккенс называет Угловатым Человеком¹ с глубокими морщинами на лице и фиолетовыми пятнами под глазами. По его виду можно было сказать, что он вряд ли сможет отличить одну прокладку от другой.

— Рубен укусит, если я возьму его? — захотела узнать молодая особа.

— Никогда, — сказал мистер Гискин. — Он очень застенчив и неопасен.

Закатав рукав пиджака и отвернув манжеты рубашки, мистер Гискин погрузил волосатую руку в воду. Поймать черепаху не составило труда. Как только Гискин коснулся ее панциря, Рубен прекратил плавать и спрятал голову и лапы.

Гискин встряхнул его несколько раз над аквариумом, чтобы черепаха стала посуше, и вложил в протянутую ладонь женщины. Та робко взвизгнула, пробежав взад-вперед кончиками пальцев по украшенной драгоценными камнями спине.

— Ты такой милый, — сказала она.

Рубена передавали друг другу и, наконец, вручили Барнсу. Он держал черепаху на удобной для меня высоте, так что мне

1. Действительно, персонажи Диккенса частенько оказываются “угловатыми”. В “Тайне Эдвины Друда” Мистер Грюджиус — Угловатый Человек с большой буквы.

удалось заглянуть в щель спереди панциря. Но я лишь увидел глаза-бусинки Рубена в темной пещере.

Миссис Гискин присоединилась к нам.

— Нашли материал для ваших историй? — спросила она.

Я кивнул.

— Мою следующую книгу я назову “Дело испуганной черепахи”.

Профессор аккуратно возвратил Рубена на один из каменных островков и вытер пальцы носовым платком:

— Если вы не против, я хотел бы вымыть руки.

Миссис Гискин куда-то показала поверх своего левого плеча.

— Через ту дверь, в прихожую и направо, — пояснила она, подмигнув мне. Заметив только что прибывшую пару, она умчалась приветствовать их.

Прошел приблизительно час. Гости разбились на группы и блуждали по комнатам, болтая и потягивая коктейли. Было еще рано, и новые гости все еще прибывали. Я отделался от двух пожилых леди, которые хотели поговорить о Реймонде Чандлере, и воссоединился с Барнсом около камина.

— Глядя на вас, можно подумать, что Веб не оправдывает наших ожиданий, — сказал я. Слова оказались более, чем неуместными.

Миссис Гискин внезапно закричала, указывая пальцем с пунцовыми ногтями на аквариум. Все замолчали. Рубен, плавая, лениво повернулся к нам своим желтым пластроном — на нем большими черными буквами были начертаны инициалы В. Е. Б.!

Мистер Гискин ринулся к нему и погрузил в аквариум руку, не потрудившись на этот раз закатать рукав пиджака. Все мы столпились вокруг него, он перевернул черепаху и...

Это был не Рубен.

Черепаха была того же вида — с теми же самыми желтыми пятнами на голове — но от красных камней не было и следа. А три буквы на нижней поверхности панциря были выложены крошечными бусинками черного стекла.

Все разом заговорили. Полицейский крикнул в окно человеку у ворот, чтобы тот не позволял никому покидать поместье. Лейтенант и два детектива явились тут же. Все были подвергнуты обыску и долгим допросам. Мистер Гискин припомнил, что он пять раз доставал Рубена из аквариума, и всякий раз в присутствии множества гостей. Примерно тридцать посетителей уже покинули поместье. Полиция пришла к выводу, что черепаха похищена кем-то, кто уже скрылся с места преступления.

Гостей еще опрашивали, когда Барнс потянул меня в угол и проговорил низким шепотом:

— Я знаю, где Рубен.

Я с удивлением уставился на него.

— Действительно знаю.

И он повел меня вниз через прихожую в дамскую комнату около черного хода. Мы вошли и заперли за собой дверь. Это была небольшая комната с черной плиткой на полу и стенах и розовым унитазом.

Голубые глаза Барнса сверкали за очками.

— Это подлинное торжество дедуктивного метода Холмса. Я пытался поставить себя на место Веба. Ясно, что он был одним из гостей. Разумеется, он принес с собой дубликат Рубена. Ему удалось поменять черепах, Бог знает как, но рисковать быть пойманным с Рубеном в кармане он, конечно, не мог. И у него не было никакой возможности узнать, как скоро кража будет обнаружена. Поэтому спрятать ее нужно было как можно быстрее.

— Может быть, он убил черепаху и выбросил ее из окна? — предположил я.

— Чтобы потом разыскивать ее в снегу? Не будьте глупцом. Он должен был спрятать Рубена в доме и в таком месте, где он останется жив в течение нескольких дней и в то же время где его легко забрать, возвратившись за ним.

— Но где он спрятал черепаху?

— Здесь, — сказал Барнс, размахивая короткими руками, как ветряная мельница.

Я обвел помещение взглядом. Мои глаза остановились на розовом бачке позади унитаза.

— Именно, — сказал профессор.

Я аккуратно приподнял розовую фарфоровую крышку. Рубен неподвижно лежал на шаровидном поплавке, его украшенная драгоценными камнями спина темно-красными вспышками пронзала неподвижную воду.

Я слегка присвистнул. Какие чудесные условия для черепахи! Проточная вода, в которой можно свободно поплавать вверх и вниз, и сложные устройства (включая, несомненно, и прокладки Гискина), которые можно на досуге исследовать. Я попытался достать Рубена, но Барнс перехватил мою руку.

— Нет, нет, Фезерс. Позвольте ему остаться. Разве вы не видите? Это — наш единственный шанс найти Веба.

Я начинал постигать его замысел.

— Веб не может прийти за черепахой сегодня, — продолжил Барнс, — поскольку мы будем, скорее всего, подвергнуты обыску еще раз, прежде чем нас отпустят. Возможно, полицейские правы, предполагая, что Веб уже ушел. Он, конечно, выждет, по крайней мере, несколько дней перед тем, как возвратиться в дом.

— Разве мы не должны сообщить полиции?

— Вы с ума сошли? Они оказались настолько глупы, что даже не проверили сливные бачки. Нет, у меня есть лучший план. Естественно, мы не можем потерять Рубена. Я позвоню Гискину завтра и объясню, что произошло. Они могут дожидаться первого вернувшегося гостя и, как только он покинет эту дамскую комнату, обыскать его.

— Или ее.

— Верно, — сказал Барнс. — Мы и вправду не можем быть уверены, что Веб мужчина, не так ли? Я позвоню вам, если что-нибудь произойдет. Если вы не получите от меня известий в ближайшие дни, приезжайте ко мне в пятницу вечером, и мы обсудим, что нам делать.

Я закрыл крышку. Прежде чем мы воссоединились с утомленными гостями, я слил в унитазе воду, чтобы освежить Рубена.

Только после полуночи полиция позволила нам уехать. Мне оставалось лишь сокрушаться, что я не применил свои предполагаемые — обширные — познания в поимке преступников, чтобы разгадать загадку так же блестяще, как мой детектив Хилари Кинг. Нас обыскали вторично. В дверях я сказал мистеру Гискину, что мне очень жаль, что так случилось. Он выглядел усталым и измученным. Чего нельзя было сказать о миссис Гискин. Я подозревал, что она все еще рассчитывает увидеть множество своих фотографий в газетах, возможно, даже и в “Ньюсуике”.

— Приезжайте, надеюсь вскоре вновь встретиться с вами, — сказала она мне. — Плохо, что вы не пишете любовные романы. Тут я могла бы предложить вам массу материала. Вы думаете, издатели могли бы заинтересоваться моей автобиографией? Может быть, вы могли бы помочь мне написать ее.

— Это было бы величайшее наслаждение, — соврал я.

Барнса я не видел до пятницы. Всю неделю газеты были переполнены отчетами о краже, каждая новая история добавляла все новые детали и предлагала самые невероятные теории. Главным свидетелем была подмененная черепаха, но, как заметил один репортер, черепаха не умела говорить.

Когда я вошел в гостиную Барнса, в камине потрескивали дрова. Я пододвинул кресло поближе к огню, чтобы согреть руки.

— Вы достали список гостей?

К моему удивлению Барнс покачал головой.

— Нет. Я знаю, кто вор.

— Я не ослышался? — спросил я. — И кто он, могу ли я узнать?

— Я, — сказал он.

Я расхохотался.

— Только не говорите мне, что вы и есть Веб.

— Боюсь, что так и есть.

Естественно, я предположил, что он шутит:

— Скажите тогда, Орландо, что означают эти буквы — В. Е. Б.?

Барнс встал, подошел к книжной полке, вытащил потрепанный том и передал его мне. Это была “Теория праздного класса” Торстейна Веблена¹.

— Помните?

Я кивнул.

— Несколько лет назад я читал его теорию на вашем курсе. Припоминаете его основную идею?

— Конечно. Основная идея книги в том, что, когда кто-то достигает чрезмерного благосостояния, избыточные деньги он обычно расходует на избыточное потребление, деньги идут на демонстративные траты на приобретение совершенно бесполезных вещей, демонстрирующих лишь его благосостояние.

— Блестяще, Фезерс! Вы излагаете очень хорошо. Демонстративные траты. Вот ключ почти ко всему, что Веблен написал. В этом — сущность нашей выродившейся капиталистической экономики.

Я начинал понимать.

— Так вы полагаете, инициалы В. Е. Б. не являются инициалами вовсе? Они лишь отсылают нас к Веблену?

— Вот именно. Вы, возможно, помните, как много я говорил о Веблене на моих лекциях? Я учился на Веблене. Вся моя дипломная работа здесь, в Чикаго, строилась на Веблене. Мы стали хорошими друзьями, а потом президент Харпер² выгнал его. Он не был популярен ни у студентов, ни у своих коллег. Я — один из немногих аспирантов по экономике, который высоко ценил его.

— Не было ли это связано со скандалом, в котором оказались замешаны Веблен и жена другого преподавателя университета? Я, кажется, вспоминаю, что ему приписывалось высказывание: “Ну что тут поделаешь, если женщина чего-то добивается?”

— Для Харпера скандал послужил лишь поводом для увольнения, — фыркнул Барнс. — Настоящая причина заключалась в дав-

1. Торстейн Веблен (1857–1929) — американский экономист и социолог.

2. Первый президент Чикагского университета.

лении богатых попечителей. Им претили радикальные взгляды Веблена. Конечно, не было ничего особо нового в его фундаментальных воззрениях. Вы находите их у многих писателей древности, особенно у Эпиктета и стоиков. Наиболее явно — у Лукиана. И что такое слова Христа “Не собирайте себе сокровищ на земле”, если не прямое и явное изложение мысли Веблена? Эта идея лежит в основе сотен романов. “Ярмарка тщеславия” — чистый Веблен. “Тоно-Бенге” Уэлса весь пропитан Вебленом.

— Не могу не согласиться, — сказал я, улыбнувшись.

— Посмотрите-ка на меня, — продолжал Барнс, — убежденного веблениста. Я усвоил на примере Веблена, что, для того чтобы преподавать в университете, нужно обязательно играть в определенную игру, преподавать консервативную экономику, жить в квартире, со вкусом обставленной, общаться с праздным классом. Но свои убеждения никогда не высказывать, держать их при себе. Я просто не смог дальше преподавать. Я мог говорить о Веблене на своих лекциях, но всегда должен был разбавлять их обязательной долей критики.

— Итак?

— Итак, Фезерс, я стал вором. Возможно, не совсем обычным вором, потому что я крал только самые идиотские, самые чрезмерные, самые нелепые вещи, приобретенные исключительно для того, чтобы показать их. Большая часть вырученных денег — надеюсь, вы мне поверите — пошла на благотворительные нужды.

Я уже перестал чему-либо удивляться.

— Все началось примерно за год до Первой мировой войны, — продолжал Барнс, взгляд его был устремлен в прошлое. — Я был очень молод. Цепочка невероятных событий — я расскажу вам о них как-нибудь — привела меня к неожиданной встрече с главным специалистом по краже драгоценностей в Лондоне. В течение нескольких месяцев он жил в Чикаго под именем Олтемонта¹. Мы стали друзьями. Именно он преподавал мне большую часть того, что я знаю о благородном искусстве похищения драгоценных камней.

— Но риск, мой дорогой Робин Гуд. — (Я все еще не верил ему.) — Как насчет риска быть пойманным?

Барнс вздохнул.

— Теперь вы касаетесь оборотной стороны моей натуры. Есть, видимо, в ней неутоленная жажда приключений. Она и нашла выход в моей преступной жизни. Как вы знаете, я ни-

1. “...мистер Олтемонт из Чикаго — это, по существу, миф...”. Артур Конан Дойл. Его прощальный поклон. Перевод Н. Дехтеревой.

когда не был женат. Академическая жизнь уныла. Это был лучший способ, который я мог найти, для того чтобы избежать всепоглощающей скуки.

— Довольно об этом, Орландо, — сказал я с легким гневом в голосе. — Ваша небольшая шутка зашла слишком далеко. Я же все время видел вас, пока вы держали Рубена. У вас не было никакой возможности подменить его.

Профессор вышел из комнаты и возвратился мгновение спустя с предметом, похожим на маленький ремень безопасности.

— Старое приспособление, — сказал он. — Его сделал Олтемонт. Это — то, что игроки называют затяжкой. Они используют его для подмены карт в ходе игры. Конечно, Олтемонт значительно улучшил механизм. С помощью этого механизма я и принес точную — живую — копию Рубена, которую я подыскал, воспользовавшись фотографиями в “Лайфе”. Все, что мне теперь требовалось — это отвлечь внимание гостей от моих рук. Первоначально я запланировал отнести черепаху к окну, чтобы осмотреть рубины в естественном свете, но, когда миссис Гискин подошла, ее обнаженный живот оказался именно тем, что мне и было нужно, внимание всех присутствующих переключилось на него. Подмена была совершена молниеносно, и Рубен оказался в правом рукаве моего пиджака.

Исследуя затяжку, я вспомнил, что Барнс сразу отправился вымыть руки, после того как вернул Рубена в аквариум.

— Но они же обыскали вас. Что произошло с затяжкой?

— Она в сливном бачке вместе с черепахой. Она была на дне, вы ее просто не заметили. Сегодня я все забрал: и затяжку, и Рубена.

— И где же Рубен теперь?

— А как вы думаете?

Я пошел в ванную комнату и снял крышку. Рубен, совершенно счастливый, шлепал среди прокладок. Я увидел те двенадцать углублений в панцире, где были когда-то рубины.

Когда я возвратился в гостиную, Барнс всматривался в умирающий огонь.

— Орландо, — спросил я, — почему вы мне рассказали?

Он пожал плечами.

— Не знаю, Монте. Возможно, я становлюсь старым и сентиментальным. Но прежде чем умереть, я должен был разделить свою тайну с другом.

Я ничего не сказал.

— Это — мое последнее преступление, Фезерс. Высокое давление уже не позволяет мне справляться с такими нагрузками. Я пошел на это дело главным образом потому, что великолеп-

ный Рубен — это красивое завершение моей карьеры на самом ее пике.

— Не уверен, что понимаю вас.

— Вы читали “Гроздь гнева”?

— Да.

— Там есть чудесная глава о черепахе. Для Стейнбека черепаха — олицетворение бедноты. Неторопливое, с трудом передвигающее ноги старое существо ползет через современную автостраду, грозящую гибелью под колесами грузовиков и автомобилей, но оно все равно продвигается вперед. Терпеливые бедняги. Благослови их Господь. Они всегда с нами, несмотря на прогресс в области технологий и чудеса современной науки. Как украшенная драгоценными камнями черепаха Гюисманса, Рубен стал для меня метафорой. Небольшая рептилия буквально несет на своей спине бремя мирового капиталистического потребления.

Мы сидели в тишине, глядя на пылающие бревна. Сквозь эту тишину доносился звон колокола Башни Митчелла в нашей альма-матер.

— Какой рассказ мог бы получиться! — сказал я наконец.

Барнс, его глаза увлажнились, наклонился, чтобы положить руку мне на плечо.

— Я ничего не рассказал бы вам, Фезерс, если бы не был уверен, что могу рассчитывать на вас, в том, что касается моей тайны.

Мы проговорили до восхода солнца. Точнее, говорил профессор, а я с изумлением слушал его рассказы о его совершенно невероятных преступлениях. Уходя, я остановился у входной двери, вдохнув влажный морозный воздух.

— Я придумал великолепное название, — сказал я, — для того детективного романа, который я никогда не напишу.

— Да?

— “Колесница Веба”.

— ...в рубинах вся¹, — пробормотал Барнс, стиснув зубы, и закрыл за мной дверь.

Родимое пятно

Мои записи показывают, что этот очень короткий рассказ возвратился из четырнадцати журналов, прежде чем мне удалось его про-

1. “Да будь они, как колесница Феба, / В рубинах все — он заслужил подарок”. Уильям Шекспир. Антоний и Клеопатра. Акт IV. Сцена 8. Перевод М. Донского.

дать за десять долларов в одно чикагское периодическое издание, столь малоизвестное и недолго существовавшее, что я не удивлюсь, если окажется, что я владею единственным выжившим экземпляром. Редактор, Норман Райссман, ошастливил меня, сообщив в письме, что он считает мой рассказ “бесхитростным и прекрасным”. “Эсквайр” ранее отклонил его, потому что там сочли, что чрезмерное любопытство молодого человека может оскорбить чувства некоторых читателей. Это, конечно, было еще до того, как Джимми Стюарт и Грейс Келли сыграли главные роли в классическом фильме Альфреда Хичкока “Окно во двор”.

— ЭТОТ шрам... — сказала домовладелица. — Вы были ранены на войне?
У незнакомца была нашивка за ранение, он улыбнулся и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Это — родимое пятно. Оно у меня с рождения.

Он был высок и молод, с темными вьющимися волосами и печальными глазами. Пятно синевато-фиолетового цвета начиналось под волосами, тянулось по диагонали через весь лоб, окружало левый глаз и затем неровно спускалось на щеку, касаясь уголка его губ. Врачи называли его “винным пятном”. Родимое пятно было слишком большим, чтобы его можно было удалить, и он давно уже смирился с любопытными, пристальными взглядами и неловкостью, которую испытывали люди, встречаясь с ним в первый раз.

Так что, возможно, именно чувство сострадания побудило домовладелицу позволить ему осмотреть комнату. Комната может освободиться через несколько недель, сказала она, умолчав о целом списке желающих получить ее, в котором было около тридцати имен.

Три недели спустя он въехал. Комната была небольшой, с разваливающейся мебелью и расколотой раковиной. Окно комнаты смотрело прямо в окно соседнего дома.

Некоторое время он даже не подозревал, что комната напротив была обитаема. Днем он работал на складе крупного универмага в Чикаго-Луп, а вечерами задергивал шторы и закрывал окно, так как стояла зима, а здание плохо протапливалось.

Как-то вечером, выключив свет и приподняв окно на несколько дюймов перед тем, как отправиться спать, он заметил, что комната напротив освещена. Он отодвинул штору, чтобы рассмотреть получше. Окно напротив прикрывали две занавески, но они были сетчатыми и сквозь них все было отчетливо видно.

Молодая женщина сидела у окна и читала журнал. Занавески скрывали детали, но ее черты были хорошо различимы. Он вдруг понял, что это самая красивая девушка, какую он когда-либо видел.

Он все еще стоял у окна, когда она зевнула, затем поднялась и повернулась лицом к окну. Он отпрянул назад, в темноту своей комнаты, сердце его бешено заколотилось. Мгновение спустя он отважился посмотреть снова. Шторы были опущены. Он вглядывался в окно еще около минуты, затем отправился спать. Прошли часы прежде, чем ему удалось заснуть.

Из вечера в вечер сцена повторялась. Из вечера в вечер он стоял в темноте, наблюдая, как девушка читает очередной журнал или книгу, видел огонек и дым ее сигареты, отмечал признаки усталости, а это означало, что штора скоро будет опущена.

Он познакомился с каждой черточкой ее лица, с цветом и фасонами ее платьев, с формой ее рук и с безупречными контурами ее фигуры. Он пытался определить цвет ее глаз, но безуспешно. Днем он постоянно думал о ней. Поразительная красота ее лица тревожила его сны.

Он задавался вопросом, почему у нее не было посетителей. Было ясно, что она жила одна. Прошел месяц, и он ни разу не увидел другого человека, мужчину или женщину, входившего в ее квартиру.

Он задавался вопросом, где она может работать и как бы он мог встретить ее. Тогда он закрывал лицо руками, и выражение горечи появлялось в его глазах.

Как-то раз он вернулся домой с лампочкой синего света и вставил ее в светильник на столе. Он перенес его на комод и расположил так, чтобы синий свет падал на его лицо. Посмотрев в зеркало, он удостоверился, что родимое пятно стало невидимым. Его замысел состоял в том, чтобы расположиться за столом в сиянии кобальтового света, подняв рулонную штору. Он хотел, чтобы и она увидела его.

Но когда девушка пришла домой тем вечером, он понял, что просто не может обманывать ее. Во внезапном гневе он вывинтил лампочку и бросил ее на пол. Она разбилась с громким хлопком, и он заметил, что девушка взглянула в окно с удивленным выражением на лице.

Однажды вечером он наблюдал, как она гладила, положив доску на спинки двух стульев. На девушке была полосатая пижама, ее каштановые волосы мягким потоком спадали ей на плечи. Сине-белая униформа была перекинута через гладильную доску и рядом лежала такая же форменная шапочка. Таковую форму могла носить официантка. Он тщательно запомнил все детали.

В следующий же выходной он бродил по деловым улицам неподалеку от своего дома, заглядывая в окна ресторанов, чтобы посмотреть, во что одеты официантки. Тщетно. На следующей неделе он повторил свою прогулку. На этот раз он нашел то, что искал, — небольшой ресторанчик напротив кинотеатра.

В окне он сразу же узнал ее. Девушка обслуживала столик в дальнем углу зала. Ее волосы, то, как она держалась, каждый незначительный жест — ошибиться было невозможно. Его охватила нервная дрожь, столь сильная, что он решил закурить и обойти вокруг квартала. Возвратившись к дверям ресторана, он немного успокоился. Он бросил сигарету и вошел, выбрав столик в глубине зала.

Изучая меню, он облокотился на левую руку, закрыв таким образом свое лицо. Он отчетливо слышал, как пульс стучит у него в висках.

Уголкем глаза он видел, как она подошла и остановилась перед ним. Он поднял глаза, чтобы сделать заказ, но слова застыли у него на губах.

Ее глаза были темно-синими. Ее глаза были прекрасны. Но ее глаза косили — косили так, как у ребенка, который забавы ради хочет увидеть кончик своего носа.

Волна облегчения охватила его. Он опустил руку и улыбнулся.

— Как сегодня баранина? — спросил он.

— Я думаю, вам понравится, — сказала она, улыбнувшись в ответ. Ему казалось, что ее глаза стали влажными.

Пока он ел, необыкновенное счастье переполняло его.

Еще один мартини

В такси по пути к мисс Паркер Билл Рэмси испытывал определенное волнение. Ведь прошло — давайте-ка прикинем — около пятнадцати лет с тех пор, как он видел ее в последний раз. Она была его учительницей в третьем (или в четвертом?) классе. Он посчитал годы на пальцах — начальная школа, средняя школа, старшие классы, год колледжа, четыре года в армии, еще три года колледжа... По крайней мере, пятнадцать лет.

Сколько лет ей сейчас? Если тогда ей было чуть за двадцать, сейчас ее возраст приближается к сорока. Она все еще может быть красивой и довольно молодой. Он помнил ее очень живо. Какая фигура! Неудивительно, что он никогда не мог сосредоточиться на учебе. Ее темно-каштановые волосы и смеющиеся глаза, ее забавная улыбка... Он был влюблен

в нее без памяти. Он наблюдал за нею, сидя за партой, и лелеял дерзкие мечты...

Когда раздался звонок, мисс Паркер отложила в сторону детективный роман, сняла свои пестрые очки и поднялась с дивана. Не спеша она отправилась в прихожую и нажала кнопку, которая отпирала нижнюю дверь.

Весь день с тех пор, как он позвонил, она перебирала в уме свои воспоминания о Вилли Рэмси. Ей удалось вызвать в памяти туманный образ полноватого, застенчивого, невысокого мальчика с грустным выражением лица, который никак не хотел выполнять ее задания. Было в нем что-то странное, что-то невротическое. Ей он не особо нравился. Обычно он сидел тихо за партой, поглядывая на нее огромными, как у теленка, глазами.

Надеюсь, он не останется надолго, размышляла она. Она ненавидела эти посещения бывших учеников — унылые маленькие мальчики и девочки, которые выросли в еще более унылых мужчин и женщин. Они являлись лишь грустным напоминанием о быстротечности...

На лестнице послышались шаги. В прихожей мисс Паркер взглянула в зеркало, пригладила волосы, затем подошла к двери и распахнула ее.

Всего одно мгновение — всего один момент — они удивленно смотрели друг на друга.

Перед ним в дверном проеме стояла совершенно незнакомая женщина — невысокая, склонная к полноте, с начинающими сесть волосами, с поникшей грудью и темными кругами вокруг глаз. Она же увидела перед собой высокого молодого человека с ясными карими глазами в сером двубортном костюме, безукоризненно выглаженном, и дорогим галстуке винного цвета.

Они улыбнулись друг другу.

— Мисс Паркер? — сказал он нерешительно.

Она протянула руку:

— Не могу поверить! Нет — этого не может быть! Вы не Вилли Рэмси — не тот маленький Вилли Рэмси. Я...

Он громко рассмеялся, возможно, слишком громко.

— Боюсь, это именно я. Прошло столько времени...

Мисс Паркер вздрогнула.

— Я так рада, что ты позвонил, Вилли, — сказала она и, хлопнув дверь, жестом пригласила его в квартиру. — Это так любезно с твоей стороны вспомнить обо мне.

Они прошли в гостиную и сели. После минуты неловкого молчания последовали обычные вопросы. Где ты учился? В каком классе вы сейчас преподаете? Бывал ли ты за границей? Как мисс Уэбстер, учительница рисования?

— Я так много думал о вас, мисс Паркер, — сказал внезапно он, уставившись взглядом в ковер. — Вы, верно, забыли, как я принес вам цветы.

Мисс Паркер нахмурилась и достала пачку сигарет. Она тщетно пыталась вспомнить.

— Конечно, помню, Вилли. — Она протянула ему пачку. — Ты куришь?

Он взял сигарету и усмехнулся.

— Это так странно, видеть, что вы курите, мисс Паркер, — сказал он. — В школе я и не догадывался об этом.

— Конечно, не догадывался. — Она зажгла спичку и поднесла пламя к сигарете. — Мартини?

Пока она на кухне готовила напиток, он встал и прошелся по комнате. Ей, должно быть, было все же ближе к тридцати, чем к двадцати, когда он у нее учился, решил он.

— И прекратите называть меня мисс Паркер, — крикнула она из кухни. — Меня зовут Ирен.

После второго martini он начал замечать в ее лице детали — незначительные детали, — которые позволили разглядеть в сидящей напротив него женщине волнующий образ из его детства. Она точно так же улыбалась, слегка скривив губы. На одной щеке появлялась ямочка, которую он не замечал прежде. Но теперь-то он вспомнил, что эта ямочка была у нее всегда.

Martini начал действовать — теплое, счастливое ощущение, — и что-то вроде старой иллюзии, его школьных фантазий о мисс Паркер, стало всплывать в его памяти. За окном темнело, и мягкий свет от лампы над диваном был благосклонен к ее лицу. Она все еще привлекательна, подумал он, даже притом что немного раздалась в бедрах. И ее губы красиво оформлены. Очень хороши. Он задался вопросом, что она сделала бы, если бы он попытался поцеловать ее.

Его стакан опустел. Мисс Паркер встала и направилась к нему с шейкером. Он поглядел на свои наручные часы.

— О боже! — воскликнул он. — Уже больше шести! Мне пора, я должен идти. — Он закрыл рукой пустой стакан и энергично покачал головой.

— Вилли, — сказала мисс Паркер, скривив губы. — Еще один коктейль тебе не повредит. Куда тебе *так* спешить?

На мгновение он дрогнул, но снова посмотрел на часы.

— Нет, — сказал он, — не могу. Мне пора.

— Ну, я не настаиваю. — Она улыбнулась своей несимметричной улыбкой, и он еще раз подумал, что для женщины ее возраста она была очаровательна. — Почему бы тебе не остаться на ужин? — продолжила она. — Я так хотела бы, чтобы

ты остался. Здесь нет ничего такого. Абсолютно ничего. Правда. Я бы с удовольствием...

Ее слова повисли в тишине. Он поднялся несколько неустойчиво и снова покачал головой.

— Это так любезно с вашей стороны, мисс Паркер, — произнес он наконец.

— Ирен.

— Ирен. Я хотел сказать: Ирен. Это так любезно с вашей стороны, Ирен. Но я обещал моим друзьям... Я в городе на несколько дней, и — ну, вы знаете, как это...

Он заставлял себя говорить как можно искренней.

Она подошла поближе, держа шейкер и глядя на него со слабой улыбкой, все еще освещающей ее лицо.

— Здесь как раз хватит еще по одному мартини. Разве у тебя не найдется времени еще на один коктейль?

Но он поднял руку в знак протеста, пробормотал пару слов благодарности и направился к двери.

После того как он махнул на прощание с лестницы, мисс Паркер медленно закрыла дверь квартиры. Она надолго задержалась в прихожей перед зеркалом, затем тяжело направилась в гостиную к одному из занавешенных окон. Всмотриваясь сквозь занавески, она посмотрела вниз на тихую улицу; было все еще достаточно светло, чтобы она могла разглядеть, как его широкоплечая фигура движется через сумрак к бульвару, где можно поймать такси.

Мисс Паркер закурила сигарету, глубоко затянулась и выдохнула дым в оконное стекло.

— Всего один мартини, — вздохнула она и улыбнулась. — Всего один. Это все, что мне было нужно.

Частный детектив Оглсби

Я стоял у окна в квартире мертвой девушки и смотрел на лимузин мэра, который притормозил у обочины перед самым домом.

Шофер вышел и открыл заднюю дверцу. Великий Детектив появился.

Стояла ранняя осень, и листья больших вязов, стоявших вдоль улицы, опускались, кружась, на непокрытую голову Великого Детектива с копной спутанных каштановых волос. На нем был серый костюм со слишком длинными штанами, а в руках — небольшой черный портфель, содержащий, разумеется, необходимое для расследования криминалистическое

оборудование. Рост его составлял приблизительно четыре фута, и было ему десять лет от роду.

Вчера в своем кабинете Малруни, шеф отдела убийств, поручил мне это неприятное дело. На прошлой неделе я выиграл у него в шашки четырнадцать раз подряд. Подозреваю, что именно это обстоятельство заставило шефа отправить меня на дело, которым занимался лейтенант Ханнекер.

— Сержант Стэкпоул, — заявил шеф, хлопнув меня по плечу, с ухмылкой, расплывшейся вокруг сигары, — не мог бы ты завтра сопроводить сына мэра? Он хочет взглянуть на квартиру девицы Смит.

Я чуть не выронил изо рта сигарету.

— Не говорите мне, — сказал я, — что тощий маленький гений с огромным IQ бросил шахматы и занялся расследованием убийств!

Малруни кивнул.

— Он вступил в своего рода клуб любителей хлопьев для завтрака. Ну... ты посылаешь в огромном количестве пустые коробки “Крунчи-Вунчи”¹ и взамен получаешь значок и набор инструментов для расследования преступлений.

— Отлично, — сказал я. — Почему вы не хотите, чтобы лейтенант Ханнекер занялся ребенком? Это его дело.

Шеф опустил все свои 250 фунтов на вращающийся стул и откинулся назад.

— Ханнекер слишком занят. Ты — единственный человек в участке, кому нечем сейчас заняться. Мэр Оггсли лично позвонил мне сегодня утром. Он хочет угодить парню. Говорит, будет считать личным одолжением, если мы позволим мальчику покрутиться в квартире несколько часов, чтобы он мог поискать улики.

— А что, если магистр Крунчи-Вунчи начнет вспарывать мебель в поисках плана атомной бомбы? — заметил я угрюмо.

— Ну, вот и договорились! — сказал Малруни, хлопнув по столу своей огромной ручищей. — Я знал, что ты не будешь возражать. Если он отобьется от рук, тебе самому решать, что делать.

— Тогда он у меня получит, — сказал я.

— Ох, ох, ох! — Малруни покачал головой и погрозил мне толстым указательным пальцем. — Теперь ты понимаешь, как нелегко с ним мэру в последнее время.

В прихожей возле кабинета шефа я столкнулся с лейтенантом Ханнекером.

— Ты-то мне и нужен, Стэкпоул, — сказал он. — Как зовут того скупщика, который заправляет ломбардом на Первой улице?

— Ты имеешь в виду Чарли Гримма?

— Точно! Помнишь его адрес?

Я нашел пустой конверт в кармане и наспех записал на нем имя и адрес Гримма.

— Все еще ищешь пропавшие драгоценности?

Он кивнул.

— Самое сумасшедшее дело из всех, над которыми мне доводилось работать. Мы даже не знаем, были ли драгоценности, а их розыск просто выводит меня из себя!

— Удачи, — буркнул я.

На следующий день я добрался до квартиры убитой девушки за полчаса до появления юного Оглсби, что позволило мне осмотреться на месте преступления. Я исследовал сейф, где мисс Смит, вероятно, хранила свои драгоценности. Создавалось впечатление, что его вскрыли отверткой.

Буквально за несколько минут до появления автомобиля мэра давно болтавшаяся пуговица оторвалась от моего плаща. Потребовалось несколько минут, чтобы разыскать ее на ковре. Я засунул пуговицу в карман брюк, затем подошел к окну, и в это время у дома остановился автомобиль. Когда дверной звонок задребезжал, я пошел вниз и открыл парадную дверь.

— Я — частный детектив Оглсби, — сказал юнец, небрежно продемонстрировав мне оловянный значок за отворотом своего пиджака. Он опустил портфель и протянул мне маленькую тонкую ладонь.

— Рад видеть вас, Оглсби, — сказал я. — Я — сержант Стэкпоул.

Он зацепил мой мизинец своим, встряхнул три раза нашими руками и, наклонившись ко мне, прошептал:

— Крунчи-Вунчи.

Я, должно быть, выглядел встревоженным.

— Это — секретное рукопожатие, — пояснил он, глядя на меня сквозь стекла очков в черной роговой оправе. — Вы должны сказать пароль.

— Не могу, — сказал я. — Я не член клуба. Я простой городской полицейский.

— О, — сказал он и усмехнулся. Один из передних зубов у него отсутствовал. — Ладно. Это дурацкий клуб — он главным образом для тех, кто мало что смыслит в уголовном расследовании.

Когда мы добрались до гостиной мисс Смит, юный Оглсби положил портфель и опустился на край одного из мягких кресел. Он соединил кончики пальцев и несколько раз мигнул.

— Давайте-ка посмотрим, что у вас есть, — сказал он.

Я расположился в одном из оставшихся кресел и пытался сохранить серьезный вид.

— Сказать особо нечего, — ответил я. — Ты уже читал, наверное, газеты.

— В газетах частенько опускают важные детали, — сказал он.

Я с трудом справился с приступом смеха, сделав вид, что закашлялся.

— Так и есть, — сказал я наконец. — А эта куколка — Розали Смит — она была маникюршей в отеле “Мейо”. Жила здесь совершенно одна. Кто-то вошел в ее квартиру посреди ночи и задушил беднягу. Вор вскрыл металлический сейф в шкафу и взял то, что хранилось внутри, — скорей всего, ее драгоценности. Это, пожалуй, все.

Юный Оглсби серьезно кивнул:

— Как он вошел?

— Дверь он, похоже, открыл ключом. Подруга мисс Смит навещала ее тем вечером и оставалась до часа ночи. Когда она ушла, мисс Смит заперла дверь. Дверь так и оставалась закрытой до следующего утра.

Он задал мне еще несколько вопросов. Все вопросы были по делу. Потом он сидел какое-то время, ничего не говоря, только теребил мочку левого уха.

— Я позаимствовал это у Нейланда Смита¹, — сказал он, посмотрев на меня поверх роговых очков.

— И что именно ты позаимствовал? — уточнил я.

— Такую привычку — теребить ухо, когда я думаю.

— А кто такой этот Нейланд Смит?

Он удивился:

— Вы никогда не читали о докторе Фу Манчу?

Я покачал головой:

— Для книг у меня нет времени, Крунчи-Вунчи.

— Меня зовут Максвелл Оглсби, — огрызнулся он, впившись в меня взглядом через толстые стекла очков.

— Отлично, Максвелл, — сказал я. — Осмотрись здесь, может, тебе и удастся найти что-нибудь пропущенное полицией. Если тебе что-то будет нужно, скажешь мне.

Он кивнул, кинул на меня косой взгляд, поднялся и понес к столу свой портфель. Из него он вытащил большую лупу, рулетку, пару кронциркулей, несколько маленьких флаконов с пульверизаторами и приблизительно дюжину конвертов из оберточной бумаги.

— Для чего конверты? — спросил я.

— Улики, — ответил он. — Идею мне подкинул доктор Торндайк¹.

— Кто такой этот доктор Торндайк?

Он не смог скрыть раздражения.

— Мой друг, — сказал он саркастически.

Я отвел его в спальню и показал, где было найдено тело и где мисс Смит держала сейф. Я подумал, что он предпочтет, чтобы я не следил за ним во время работы — иначе я мог бы изучить его секретные методы! — так что я вернулся в гостиную, чтобы почитать газету, которую захватил с собой. За этим расследованием я особо не следил, поэтому прочитал сообщение довольно внимательно, пытаюсь узнать, не дал ли я мальчишке каких-либо ложных сведений.

Двадцать минут прошли, и Максвелл вернулся в гостиную с конвертом в руке. Он направился ко мне.

— Вы сегодня уже заходили в спальню? — спросил он.

Я покачал головой.

Он потянул себя за ухо и бросил на меня долгий и странный взгляд. Затем он запечатал конверт, начертил что-то на внешней его стороне и сунул в портфель. Мне он не сказал, что ему удалось обнаружить.

После того как он вновь отправился в спальню, я незаметно подкрался к портфелю, чтобы взглянуть, что он там написал, но надпись было зашифрована. На ощупь казалось, в конверте лежало что-то наподобие никеля.

Я уже добрался до спортивного раздела, когда он заглянул в комнату с еще одним конвертом. Он снял пиджак и галстук и закатал рукава.

— Знаете что-нибудь о ломбарде Чарли Гримма? — спросил он.

Вопрос был для меня неожиданным, и Максвелл Оглсби вынужден был повторить его.

— Да, — сказал я наконец. — Но откуда ты о нем знаешь?

— Позже объясню, — сказал он.

Он достал маленький блокнот и попросил меня записать адрес ломбарда. После чего тщательно изучал его в течение минуты.

— Гм, — сказал он. — Очень любопытно.

Сложив листок, он положил его в третий конверт, затем сделал на нем шифрованную надпись.

— Кто-нибудь трогал сейф с тех пор, как произошло преступление? — задал он очередной вопрос.

1. Главный герой большинства детективов Ричарда Остина Фримена.

Я покачал головой.

— Разумеется, криминалисты сняли с него отпечатки пальцев. Но я не думаю, что они нашли там что-нибудь. С чего ты вдруг подумал о ломбарде Чарли?

Он не ответил, потянул себя за ухо и собрался уходить, но остановился и забрал свой портфель. Думаю, он опасался, что я могу залезть в его конверты.

Я последовал за ним в спальню, но он категорически заявил, что будет лучше, если я подожду снаружи, пока он не закончит. Я пожал плечами и вернулся к своему креслу. Его замечание о Чарли Гримме вызвало мое любопытство. Возможно, Крунчи-Вунчи именно тот, кто нам нужен!

Он появился из спальни приблизительно через пятнадцать минут со стаканом воды.

— Глотните, сержант.

Пить я действительно хотел, но, что, задался я вопросом, вызвало этот внезапный жест вежливости. Возможно, подумал я, он сожалел, что запретил мне входить в спальню.

Пока я пил воду, я заметил, что руки мальчишки покрыты белым порошком. На мой вопрос, что это, он лишь загадочно покачал головой:

— Скажу позже.

И это было все, что я смог от него добиться.

В спальне он торчал уже полчаса, когда я вдруг услышал шум воды в ванной. На этот раз он появился в пиджаке и галстуке и тащил за собой свой портфель. На его руках порошка уже не было. Он положил портфель и двинулся в мою сторону. На его лице играла странная улыбка.

— У вас есть оружие, сержант? — поинтересовался он.

Я распахнул плащ, чтобы показать ему мою наплечную кобуру. Ему захотелось взглянуть на мой револьвер. Я вынул его, удостоверился, что он стоит на предохранителе и вручил мальчишке. Он повертел его тонкими пальцами.

— Предохранитель есть?

Я показал ему, как он работает.

Внезапно он выхватил оружие из моей ладони. Когда я поднял глаза, он стоял от меня на расстоянии приблизительно шести футов, глаза его сузились. Револьвер был направлен прямо в мое солнечное сплетение!

— Не двигайтесь, сержант, — сказал он твердо. — Я раскусил вас!

Я приподнялся, думая, что это розыгрыш, но услышал, как шелкнул предохранитель. Парень, должно быть, сошел с ума! И я решил не рисковать.

— Осенила грандиозная идея, Максвелл? — спросил я.

— Узнаёте.

Он, крадучись, подошел к телефону — дуло револьвера было направлено в мою сторону — и снял телефонную трубку.

— Полицейское управление, — произнес он.

Я попытался встать снова, но он ткнул в меня револьвером, и я быстро опустился в кресло. Я чувствовал, как капельки пота выступают на моем лбу.

Шеф Малруни скоро оказался на линии.

— Это — сержант Стэкпоул, — сказал он, подражая моему голосу. — У меня убийца мисс Смит... Мы находимся в квартире... Хорошо.

Он бросил трубку, а я вытаращил на него глаза.

— Я должен был так поступить, — пояснил он извиняющимся тоном. — Шеф ни за что не приехал бы, если бы узнал мой голос.

Я даже не буду пытаться описать лица Малруни и Ханнекера, когда они вошли в комнату. После первого потрясения шеф разразился таким гоготом, что оконные стекла, казалось, не выдержат. Ханнекер стоял в сторонке и ухмылялся.

Отсмеявшись, шеф тщательно прикрыл дверь и запер ее. Он забрал мое оружие у юного Оглсби и передал лейтенанту.

— Охраняйте заключенного, — сказал он Ханнекеру, — пока мы выслушиваем историю детектива Оглсби.

Я сидел и скрипел зубами. Максвелл встал, поправил очки и откашлялся.

У него были, сказал он, три улики, которые доказывали, что я и есть убийца. Он открыл свой портфель и вынул три конверта из оберточной бумаги. Из первого конверта он извлек коричневую пуговицу.

— Посмотрите, шеф, — сказал мальчишка, — нижняя пуговица на плаще сержанта Стэкпоула отсутствует. А эта точно такая же, как оставшиеся. Я нашел ее под кроватью, на которой мисс Смит была убита.

Я полез в левый карман брюк.

— Боже правый! — воскликнул я. — У меня дырка в кармане!

Я пытался объяснить, как я потерял пуговицу.

Шеф откинулся назад и расхохотался.

— Да уж, выглядит весьма правдоподобно, — сказал он.

Ханнекер покачал головой.

— Присяжные ему ни за что не поверят, — добавил он торжествующе.

Я начал было возражать, но мальчишка прервал меня.

— А вот это, — сказал он, — я нашел в мусорной корзине мисс Смит.

Он открыл следующий конверт и вынул оттуда скомканный лист бумаги. Им оказался конверт, на котором я накануне записал для лейтенанта Ханнекера адрес Чарли Гримма.

Из третьего конверта Максвелл извлек еще один лист, на котором я написал тот же самый адрес час назад. Он рассказал, как вынудил меня сделать это и передал оба листка шефу.

— Ну, что тут скажешь! — воскликнул Малруни. — Это, безусловно, написано Стэкпоулом!

А это имя печально известного скупщика краденого, — прокомментировал Ханнекер с непроницаемым лицом. — Держу пари, он предполагал сбыть украденные драгоценности.

Я выдавил смех, затем резко остановился и сказал:

— Не вижу в этом ничего смешного.

Юный Оггсби умчался в спальню и возвратился с сейфом и пустым стаканом. Он стряхнул с них тот замечательный белый порошок, чтобы продемонстрировать отпечатки пальцев.

Я слушал с открытым от удивления ртом, пока он объяснял, как провел меня, чтобы получить мои отпечатки на стакане.

— Оба набора отпечатков идентичны, — сказал он, подобно профессору, читающему лекцию. — Причем по сорока трем точкам. Этого достаточно, чтобы убедить любое жюри присяжных.

— Вот уж не думал, — сказал Малруни, вытирая глаза носовым платком, — что наступит день, когда придется арестовать собственного сослуживца. Задерживать своего человека по подозрению в убийстве — хуже не придумаешь.

Ханнекер, привстав, уже брел парой наручников. Но юный Оггсби встал перед ним и задержал его руку.

— Минутку, джентльмены, — сказал он. — Сержант Стэкпоул не убийца.

На этот раз мы все разинули рты.

— Это я так — ради забавы, — продолжил Максвелл, — хотел поквитаться с сержантом за то, что он называл меня Крунчи-Вунчи.

Шеф посмотрел на меня, затем — на лейтенанта, затем снова на мальчишку.

— Неожиданный поворот событий, — сказал он, хмурясь. — А как же все эти прекрасные доказательства?

— Они липовые, — сказал Максвелл, — на конверте штемпель поставлен спустя два дня *после* убийства. И если бы сержант потерял свою пуговицу в ночь преступления, он наверняка заметил бы это и уничтожил свой плащ.

От следующего его замечания у меня покраснели уши, а шеф и Ханнекер просто взвыли.

— Сержант Стэкпоул может быть и тупица, — сказал Максвелл, — но не *настолько*.

Малруни смотрел на него с уважением.

— Так у тебя есть предположение, кто настоящий убийца, мой мальчик?

Мальчишка кивнул:

— Судя по всему, Стив.

Некоторое время мы осмысливали его слова. Затем шеф спросил со всей мягкостью, на какую только был способен:

— И кто он, хотел бы я знать, этот Стив?

— Фамилии его я не знаю, — сказал Максвелл, — но он — крупный бизнесмен в нашем городе. Он был последним близким другом мисс Смит. Она шантажировала его письмами, написанными им еще в прошлом году, и...

Мы все трое подскочили.

— Откуда ты это взял? — спросил Ханнекер взволнованно.

— Из ее дневника, — ответил мальчик. Он достал из своего портфеля красную книгу в кожаном переплете.

— Я нашел ее на дне одного из ящиков платяного шкафа под ворохом розового нижнего белья и тому подобных вещей.

Шеф выхватил книжку из рук Максвелла, и мы сгрудились вокруг, чтобы взглянуть на нее. Несомненно, это был дневник Розали, и это была потрясающая находка!

Теперь настала очередь Ханнекера выглядеть посрамленным. Я ухмылялся, прикрывая рот рукой, пока он получал от шефа хорошую взбучку за то, что шкаф не обыскали с надлежащим тщанием. Затем шеф повернулся к Максвеллу.

— Я, пожалуй, назначу тебя помощником полицейского, — сказал он гордо. — Может, ты заглянешь в наш офис как-нибудь и прочтешь лекцию моим людям.

Молодой Оглсби усмехнулся, показав щель между зубами, и сказал, что сделает это с удовольствием.

Найти Стива оказалось несложно. Под давлением доказательств он сознался во всем. Письма находились в сейфе. Мисс Смит вымогала у него больше, чем он мог заплатить, и он, отчаявшись, решил вернуть письма любой ценой. Когда он забрался в ее спальню, девушка проснулась, и он убил ее.

Частный детектив Оглсби очень скромно оценил свою роль в раскрытии этого преступления.

— Элементарно, — сказал он репортерам, — на самом деле нужно благодарить лейтенанта Ханнекера за его блестящую работу.

Что касается меня, я был настолько потрясен эпизодом с моим револьвером, что мне потребовалась целая неделя, чтобы прийти в себя. И чтобы впредь избежать совместных

расследований с Крунчи-Вунчи, я подумал, что стоит вести себя с Малруни осмотрительней.

Думаю, вы удивитесь, узнав, насколько лучше за последнее время шеф стал играть в шашки!

[242]

ИЛ 3/2018

Суперструны и Тельма

НЕСКОЛЬКО лет тому назад, будучи аспирантом Чикагского университета, я работал над докторской диссертацией по физике о возможных способах проверки теории суперструн, когда в Талсе от сердечного приступа скоростно скончался мой брат. Мои родители покинули этот мир несколькими годами ранее. После похорон я покружил на своей машине по городу моего детства, удивляясь тем огромным изменениям, которые произошли за время моего отсутствия. Здание из красного кирпича, бывшее когда-то Центральной школой, теперь превратилось в огромный склад. Мои оценки по истории, латинскому и английскому языкам были невысокими, но зато я был силен в математике, и у меня был выдающийся учитель физики. Главным образом благодаря ему я и стал изучать физику, получив стипендию Чикагского университета.

Обедать я отправился в известный ресторан на углу Главной и Шестой улиц. Официантка посмотрела на меня с нескрываемым удивлением:

— Вы Майкл Браун?

— Так и есть, — сказал я. Она улыбнулась и протянула мне руку:

— Я Тельма О'Киф. Мы с вами слушали один и тот же курс алгебры.

Мы обменялись рукопожатием.

— Вряд ли вы меня вспомните, — сказала она. — Тогда я была толстой, застенчивой и не очень симпатичной девицей.

— В это трудно поверить, — сказал я, — сейчас вы великолепны.

— Спасибо, вы очень добры, сэр, — сказала она, улыбнувшись. — В алгебре вы были гением. Помните, как вы поймали мистера Миллера на ошибке, которую он допустил, решая задачу на доске, и насколько он был смущен?

— Отлично помню. Он был несчастным учителем. Думаю, он ненавидел математику.

— А я думаю, *это я* ненавидела математику, — сказала Тельма.

— Жаль это слышать. Математика может быть захватывающей и прекрасной, если только ее хорошо преподавать.

После того как Тельма принесла чек и вернула кредитку, я спросил:

— Могу ли я надеяться увидеть вас после работы? Может быть, мы могли бы сходить в какой-нибудь ночной бар и поболтать о прежних временах?

— Я заканчиваю в одиннадцать, — сказала она.

Я последовал за машиной Тельмы в небольшой, довольно приятный бар на окраине города по соседству с домом, где она жила. Она рассказала, что разведена и живет с десятилетним сыном. В баре подавали только пиво. Она ничего не пьет крепче пива, пояснила она, у ее бывшего мужа были проблемы с алкоголем. О подробностях расспрашивать я не стал. Боюсь, вместо этого я говорил слишком много о себе и еще больше о суперструнах.

Я приложил массу усилий, чтобы объяснить Тельме, что струны — это невероятно крошечные петли, подобные круглым резинкам, которые вибрируют с различной частотой. Их частоты порождают все свойства элементарных частиц, таких как электрон или кварк. Самая простая вибрация струны определяет свойства, присущие гравитонам, гипотетическим частицам, которые передают гравитационные волны.

— У вас красивые темные глаза, — прервала она меня.

— Спасибо, — сказал я, — ваши глаза некрасивыми тоже никак не назовешь.

Я старался растолковать ей, каким образом знаменитый физик Эд Витген¹ обобщил теорию суперструн в единую М-теорию. М обозначает мембраны или, если коротко, браны. Суперструны — это одномерные браны. Другие браны имеют более высокие размерности. В нашей вселенной, рассказывал я, десять или одиннадцать измерений, из которых шесть или семь сжаты в компактные крошечные сферы, которые крепятся к каждой точке нашего пространства-времени.

— Я не поняла ни слова из того, что вы говорили, — сказала Тельма. — Это кажется мне абракадаброй. Вы верите во все это?

— По большей части. Полагаю, струны существуют в действительности, но не могу с уверенностью сказать того же о мембранах Витгена.

— Все состоит из струн? — спросила Тельма.

— Все.

— А из чего состоят струны?

1. Эдвард Витген (р. 1951) — американский физик-теоретик, создатель М-теории.

– Ни из чего. Они – всего лишь чисто математические объекты.

– Если вселенная сделана из ничего, – сказала она, – как же она существует?

– Хороший вопрос. Никто этого не знает.

– Ну, вероятно, Бог знает, – сказала она.

Выйдя из бара, мы остановились возле наших машин, и Тельма пригласила меня зайти к себе выпить кофе.

– Не могу, – ответил я. – Я и в самом деле не могу остаться. Рано утром вылетаю в Чикаго. Приятно было увидеться после стольких лет.

– Мы еще встретимся?

– Это было бы замечательно, – сказал я.

Каким я был глупцом, не спросив ни ее адреса, ни номера ее телефона. Мы пожали друг другу руки. Она попрощалась и порывисто поцеловала меня в губы.

Прошел почти год. Моя диссертация вышла книгой в издательстве Чикагского университета. К моим предложениям по проверке теории струн отнеслась серьезно большая часть ее приверженцев. Появилась надежда, что некоторые проверки можно будет осуществить на новом, строящемся в Швейцарии ускорителе. Поползли неопределенные слухи о Нобелевской премии.

Вот только Тельму я не мог выкинуть из головы. Я продолжал думать о ее замечательной улыбке и ее замечательном аромате. Это были не духи. Запах ее волос? Я думал о ней больше, чем о суперстунах!

В университете Оклахомы в Нормане мне предложили должность доцента. Пригород Оклахома-Сити – Норман – находится в нескольких часах езды от Талсы.

Ни одна из официанток в ресторане, где работала Тельма, не знала, где ее можно найти. Тельма уволилась шесть месяцев назад, и они не получали от нее с тех пор никаких известий.

Ни одной Тельмы О’Киф не значилось в телефонной книге Талсы. Я возвратился в Норман, опечаленный и разбитый. Возможно, стоит нанять детектива? В желтых страницах Нормана значилось множество частных сыщиков и два детективных агентства.

Я собирался набрать номер одного из агентств, когда мой телефон зазвонил. Это была Тельма!

– Я слышала, вы спрашивали обо мне, – сказала она.

– Да. Откуда у вас номер моего телефона?

– Он есть в Интернете. Как струны?

– Не так уж и хорошо. Они не могут предсказать существование темной материи. Они не могут предсказать существова-

ние темной энергии. Они не прошли одну из моих проверок. Многие сторонники теории струн начинают испытывать сомнения. И я тоже.

— Если мы с вами встретимся, — сказала Тельма, — не говорите мне об этом.

[245]

ИЛ 3/2018

Тханг

Этот рассказ – незрелое подражание лорду Дансени и моя первая публикация. Он был написан на семинаре короткого рассказа, который проводил Горнтон Уайлдер в Чикагском университете. Я до сих пор помню, как ерзал на своем месте, когда он зачитывал его вслух нашей группе. Будучи редактором литературного журнала колледжа “Коммент”, я опубликовал его в февральском номере за 1936 год, подписавшись Джорджем Гротом, псевдонимом, который я использовал с тех пор несколько раз, хотя давно забыл, почему я выбрал это имя.

ЗЕМЛЯ завершила очередной оборот вокруг Солнца, вращаясь медленно и бесшумно, как это происходило всегда. На Востоке собрали рекордный урожай желтого риса и желтых детей, огромные запасы оружия скапливались в стратегических хранилищах, мудрецы Чикагского университета произносили глубокомысленные речи, когда Тханг спустился вниз и подхватил Землю большим и указательным пальцами.

Тханг пребывал в спячке. Когда он, наконец-то, проснулся, заморгал всеми своими шестью роскошными глазами из-за слепящего света (ибо свет наших звезд во всей их совокупности не имеет ничего общего с полумраком), то ощущал под ложечкой острое чувство пустоты. Сколько времени он спал, даже ему было неизвестно, поскольку для разума Тханга время — понятие, лишённое всякого смысла. Хотя образ жизни Тханга находится за пределами человеческого понимания, а мысли Тханга едва ли могут быть осмыслены нами, все же одна вещь в общих чертах представляется несомненной: когда Тханг не спит, Тханг страдает от голода.

Наморгавшись своими роскошными глазами (причем в совершенно определенной последовательности, что давно уже стало его привычкой) и резко сдвинув в сторону длиннющей рукой ближайšie светила, Тханг искоса вглядывался в бездну. Самые спелые планеты вращались вблизи центра, и обычно их можно было распознать на глаз по тому, как выглядит их поверхность, но частенько для убедительности Тхангу приходи-

лось постучать по ним средним пальцем. По прошествии некоторого времени он находил ту, которая его устраивала.

[246]
ил 3/2018

Он взял планету правой рукой и избавился от большей части покрывавшей ее соленой влаги. Другой рукой он соскоблil тонкую коросту синеватого льда, который образовался на противоположных сторонах шарика, и в завершение вытер его насухо о собственную грудь.

Затем откусил кусочек. Шар был мягким и сочным, не слишком горячим и не охлаждал нѐбо. Тханг, всегда съедавший планету целиком: и ядро, и все прочее, вполне удовлетворенный, откинулся назад и медленно пережевывал ее, позволив себе предаться праздным размышлениям над тривиальными вопросами бытия, когда внезапно почувствовал, что кто-то схватил его сзади за шею.

Огромная ручища, покрытая седоватыми волосами и источающая неприятный запах, выдернула его вверх и чуть назад. Затем с еще большей скоростью опустила вниз. Он успел заметить гигантскую пасть — красную, зияющую, с влажными губами. А затем непроглядная тьма сомкнулась вокруг него с чавкающим звуком, похожим на раскат грома.

Ибо есть и другие боги... помимо Тханга.